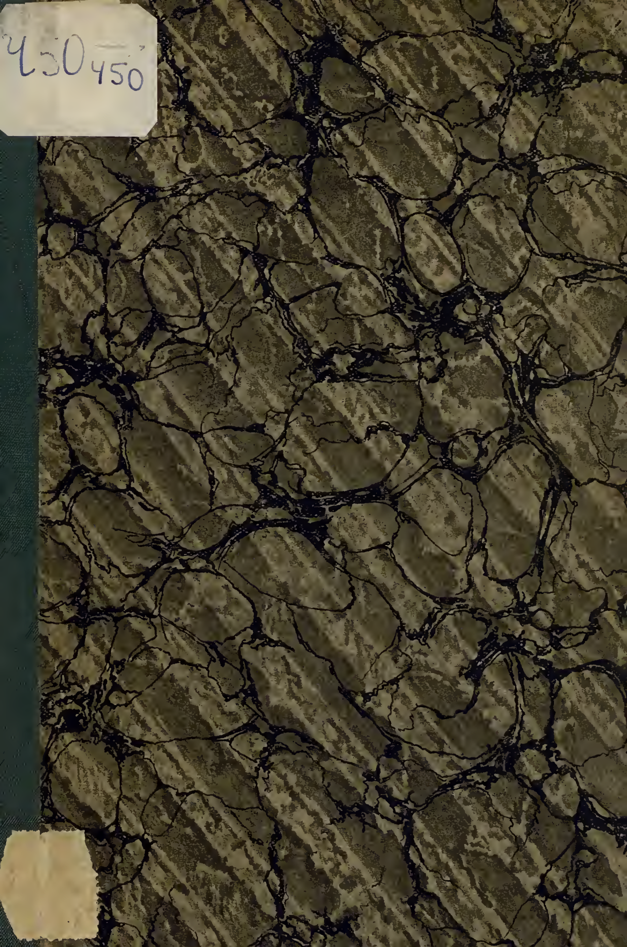

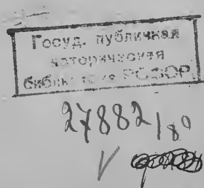
Б. И. ГОРЕВ

ОТ ТОМАСА МОРА ДО ЛЕНИНА

1516—1917

Популярные очерки по истории социализма в БИОГРАФИЯХ и ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Издание 2-е, просмотренное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА ○ 1922

Главлит. Москва. Вх. № 1632. Тираж 7.500 экз.
39-я Типография М. С. Н. Х. «Мосполиграф». Путинковский пер., д. 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

Через месяц после выхода настоящей книжки уже потребовалось ее второе издание. Это показывает, что спрос на книжки такого типа, действительно, существует. Но вместе с тем этот спрос, идущий, главным образом, со стороны учащейся молодежи, предъявляет к книжке и более строгие требования, в смысле бо́льшей полноты и разносторонности содержания. Поэтому, не видя надобности — для такого краткого и популярного издания — в биографиях и характеристиках многочисленных социалистов, хотя и видных, но не внесших в движение ничего своего, оригинального, не являющихся яркими представителями того или иного *этапа* в истории социализма, автор зато счел нужным дополнить книжку двумя фигурами: *Каутского,* весьма характерного для эволюции II-го Интернационала, в связи с ревизионизмом, и *Лаврова,* сыгравшего большую роль в развитии русского социализма.

Теперь, как мы надеемся, все важнейшие *течения* в социализме и важнейшие *фазы его развития* получили некоторое отражение в этой серии биографий и характеристик, [1]) и в то же время движение социалистической мысли доводится до самой жгучей современности.

Кроме этих двух дополнений, вся книжка заново тщательно просмотрена, сделаны кой-какие примечания, исправлены описки и опечатки. Наконец, в конце дана небольшая библиография.

Автор.

---

[1]) При чем сложная и многогранная революционная теория и практика марксизма выясняется при чтении постепенно, путем сопоставления ее с другими видами и типами социализма.

ВВЕДЕНИЕ.

Предлагаемая читателю книжка представляет собою популярное извлечение из готовящейся к печати 2-х-томной работы: *«История социализма и рабочего движения на Западе и в России»* и является попыткой дать очерк развития социалистических идей и деятельности в биографиях и характеристиках [1]). Нам представляется, что есть потребность, особенно для начинающего читателя, в книге, знакомящей с эволюцией социализма и разными течениями социалистической мысли — в наиболее *доступной и усваиваемой форме*. А такой формой и является биографическая система изложения, при которой даются, конечно, и попутные социально-исторические сведения, характеризующие эпоху, когда жил и действовал данный социалист, и вместе с тем, по возможности, объясняющие, с материалистической, т.-е. классовой, точки зрения самое возникновение и сущность разных социалистических систем или характер деятельности социалистических вождей.

При выборе тех или иных имен в предлагаемой серии биографий и характеристик автор руководствовался как общим значением каждого социалиста в истории рабочего движения, так и тем особым местом, которое он занимает в этой истории.

В самом деле, *«от Томаса Мора до Ленина»* — вот путь, пройденный социализмом за последние 400 лет. От первой попытки — на заре капиталистической эпохи дать теоретическое обоснование социализма, как общественной организации производства и распределения, — до первой попытки —

---

[1]) Большинство их уже было напечатано в Рабоче-крестьянском календаре за 1922 г. и в ряде журналов 1918—1921 гг. Остальные (Луи Блан и Кабэ, Чернышевский, Бакунин, Лавров, Каутский и Ленин) появляются в печати впервые.

в момент величайшего потрясения капиталистического строя и начинающегося его крушения—осуществить социалистическую революцию в общегосударственном и даже общемировом масштабе.

Сколько могучих усилий ума и воли затрачено, сколько тяжких и кровавых жертв принесено для достижения того величественного идеала, который намечен в «Утопии» Томаса Мора! Сколько разнообразных систем и характеров, особенно в XIX в., выступает в борьбе за разрешение социального вопроса, проклятого вопроса о бедности и нищете народных масс! Социализм и коммунизм утопический и заговорщицкий, социализм «соглашательский» и мелко-буржуазный, наконец, марксизм, анархизм и современный оппортунизм и реформизм,—все они имеют своих ярких и талантливых представителей.

В общем разноголосом хоре европейских социалистов, начиная со второй половины XIX века, явственно начинают звучать и голоса России. И если в большинстве случаев русские социалисты заимствовали свои идеи у старой Европы и лишь приспособляли их к русским условиям, то в их рядах имеются и крупные самобытные фигуры, с полным правом занимающие почетное место в общей галлерее мирового социализма, а иногда даже являющиеся в роли *учителей* Европы и критиков европейских социалистов. Таковы именно те шесть имен, которые включены в предлагаемую серию: Чернышевский, Бакунин, Лавров, Кропоткин, Плеханов и, наконец, Ленин, ставший всемирно-исторической фигурой, воплотивший в себе все сильные стороны русского и европейского революционного социализма: могучую теорию Маркса, заветы Бабефа и Бланки, революционную страсть Бакунина и спокойный, деловой революционный *расчет* Чернышевского.

Таким образом, «от Томаса Мора до Ленина»—это не искусственное соединение под одной обложкой европейского и русского социализма,—это, действительно, единый, хотя и извилистый и мучительный, путь развития, исканий и борьбы, путь, становящийся все более международным по мере того, как все более международным становится капитал, все более единой становится вообще история человечества.

I. ТОМАС МОР.

1473—1535.

Первые разработанные идеи коммунизма и первая серьезная критика буржуазных порядков появились уже в самом начале развития капитализма, и притом именно в Англии, т.-е. в той стране, где этот капитализм потом стал особенно могущественным и где в XIX веке окончательно созрело великое учение *Маркса и Энгельса.*

Маркс и Энгельс были выходцами из буржуазного лагеря, которые весь свой ум, талант и знания употребили для борьбы с буржуазией ради дела рабочего класса и всех угнетенных и эксплоатируемых. Точно также и *первый* великий коммунист нового времени—*Томас Мор*, один из образованнейших и умнейших государственных людей Англии, понял всю нелепость, жестокость и несправедливость тогдашних порядков и противопоставил им план общества, где нет частной собственности, где царствует братский труд и равенство, т.-е. общества *коммунистического.*

Великие идеи, особенно идеи *общественные*, не возникают случайно в голове того или иного мыслителя. Для их появления нужны особенные исторические условия. Как Маркс и Энгельс жили в бурную пору европейских революций, так и Мор был современником великой ломки всех старых, средневековых порядков, великого брожения, которое 400 лет тому назад охватило всю Европу—и Англию в том числе. Это было время религиозных войн и крестьянских восстаний, которые иногда выставляли знамя всеобщего равенства и общей собственности. В самой Англии жадные помещики разоряли крестьян и массами сгоняли их с их земель. Образовались большие толпы бездомного и безработного бродячего люда, кото-

рые просили милостыни или поневоле грабили на больших дорогах. Правительство их беспощадно преследовало и вешало, хотя само делало из них бродяг.

Мор, правда, всю свою жизнь был противником всяких восстаний и революций, но, благодаря своему замечательному уму, глубоким научным и практическим познаниям во всех областях жизни, он нашел истинную причину всех тогдашних потрясений и единственное настоящее средство к их устранению и созданию мирной и счастливой человеческой жизни.

Сын судьи, получивший в университете философское и литературное образование, он сделался ради заработка адвокатом лондонских купцов и прекрасно изучил тогдашние экономические условия. Будучи выбран в парламент, он выступил против короля и должен был бежать из Англии. В путешествиях по Европе он еще расширил свой умственный кругозор, знакомясь с чужими народами и порядками.

При новом короле, деспотическом Генрихе VIII, Томас Мор был призван на государственную службу и дослужился до звания министра. Но он осуждал политику короля, за что был отдан под суд, приговорен послушными судьями к смерти «за измену» и умер под топором палача с мужеством и спокойным достоинством.

Во время одного из своих путешествий, когда он был посланником в Голландии и наслушался рассказов приезжих о недавно открытой тогда Америке и дивных заморских землях, Томас Мор и написал, в 1516 г., свое знаменитое сочинение, по которому потом учились, из которого брали свои мысли целые поколения английских и французских коммунистов.

Сочинение это называется *«Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии»*, или, для краткости, просто «Утопия». Слово это взято из греческого языка и означает «несуществующее место», или рассказ о фантастической стране, как в наших сказках говорят: «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». С тех пор «утопией» стали называть всякую неосуществимую мечту о будущем обществе, а прилагательное «утопический» значит—невозможный, неосуществимый, фантастический.

«Утопия» написана в форме разговора с путешественником, приехавшим из этой сказочной страны. Житель острова «Утопии»

удивляется бессмысленным порядкам европейских государств и описывает коммунистический строй его родины. Мысли путешественника—это, конечно, мысли самого Томаса Мора.

«Там, где царит частная собственность,—говорит он,— где деньги являются мерилом всего, — трудно и почти невозможно, чтобы общество процветало и справедливо управлялось: разве только, если считать справедливостью, когда все хорошее приходится на долю дурных людей, или если называть процветанием, когда все принадлежит немногим людям, впрочем, тоже чувствующим себя не очень хорошо, между тем как остальные влачат поистине жалкое существование».

Мор один из первых понял гениальным чутьем то, что впоследствии подробно развил Маркс, а именно, что *«каждое из современных государств есть заговор богатых, которые под предлогом общего блага преследуют свои собственные выгоды...* Они стремятся как можно дешевле купить труд бедняков и как можно больше эксплоатировать его. *Свои постыдные постановления богатые делают от имени всего общества, следовательно, и бедных, и называют их законами»*. Но и эти законы не могут спасти ни общества, ни самих богачей от преступлений и мятежей. Все это *«исчезло бы, если бы исчезли деньги»*. Тогда «были бы забыты тревоги, заботы, горести, затруднения и бессонные ночи людей».

Мор уже 400 лет тому назад предвидел главное возражение, которое всегда выдвигают все противники коммунизма: «Может ли царить избыток благ, когда каждый будет стараться увильнуть от работы? Надежда на выгоду не будет побуждать к работе, а возможность рассчитывать на труд других непременно создаст леность». Но, описав подробно всю общественную жизнь в своей Утопии, Мор имеет право утверждать, что, как раз наоборот, именно в развитом и сознательном коммунистическом обществе все эти недостатки современного строя должны будут исчезнуть. «В других местах, правда, также говорят об общем благе; но на самом деле каждый заботится только *о своем собственном*. В Утопии, где нет частной собственности, каждый, действительно, занимается делами общества». Это происходит потому, говорит Мор, что в других государствах каждый знает, что, как бы ни процветала его родина, все же ему придется умереть с голода, если он не позаботится о себе. *Поэтому*

он прямо вынужден предпочитать свое собственное благо благу общества.

В Утопии же, где все имущество общее, каждый знает, что «*никто не может терпеть нужду, если только будут заботиться о том, чтобы общественные магазины были полны*». В Утопии все граждане обязаны работать. Но зато общество обеспечивает детей и стариков, больных и неработоспособных.

Во времена Мора обрабатывающая промышленность еще очень слабо была развита в Англии и ограничивалась лишь важнейшими ремеслами. Поэтому в его плане коммунистического общества больше всего внимания обращается на земледелие; это объясняется еще тем, что тогда, как мы знаем, начали массами насильственно обезземеливать крестьян, и образовался многочисленный сельский пролетариат.

Остров Утопия—это целое государство, из 24 городов с прилегающими сельскими округами. Каждый округ по возможности обслуживает себя сам всеми необходимыми продуктами. Но, в случае надобности, округа берут то, чего у них недостает, у других округов «*без всякого вознаграждения*». «Таким образом,—добавляет Мор,—*весь остров составляет как бы одну семью*».

Сельскими работами обязаны заниматься по очереди все вообще граждане. Для них существует трудовая повинность, города выделяют для земледелия часть своего населения, которая, пробыв в деревне два года, возвращается в город и заменяется другими горожанами.

Жители городов занимаются обработкой шерсти и льна и другими необходимыми ремеслами. Платье «каждая семья изготовляет для себя сама».

«Сельские жители обрабатывают поля, ухаживают за скотом, рубят лес, который они перевозят в город».—«Все, что нужно для сельских жителей, чего нельзя найти в поле и в лесу, они достают в городе, где власти охотно и безвозмездно дают им все необходимое». *Ни денег, ни вообще обмена и торговли в Утопии нет. Все продукты городского и сельского хозяйства свозятся в общественные магазины, откуда каждый берет все то, что ему нужно.* Первыми и лучшими продуктами питания снабжаются прежде всего *больницы.*

Никто не берет больше необходимого, так как каждый знает, что он всегда будет в изобилии снабжен всеми продуктами и нуждаться не будет. Задача властей, выборных старшин, сводится, главным образом, к *надзору за тем, чтобы никто не уклонялся от работы* и чтобы производилось именно то, что нужно в данный момент. Впрочем, обязательная работа продолжается лишь *шесть часов в день*, и, благодаря отсутствию бездельников, правильному распределению работ и экономии, достигаемой их централизацией, этой работы вполне достаточно не только для текущих надобностей, но и для образования запасов.

Все власти в Утопии выборные. Женщины имеют те же права и обязанности, что и мужчины. Наука пользуется большим уважением, и все жители привлекаются и поощряются к слушанию публичных научных «чтений», т.-е. лекций. Граждане Утопии ненавидят войну; но тем не менее все они, и мужчины и женщины, учатся владеть оружием, чтобы, в случае необходимости, «*защищать свою родину или своих друзей против несправедливых нападений*».

Таков, в самых общих чертах, план будущего общества, нарисованный 400 лет тому назад, на самой заре капиталистического развития Европы, великим английским мыслителем. Главное значение его «Утопии» то, что она—впервые во всей человеческой истории—предлагает *общегосударственную организацию коммунистического производства*. При этом именно *средства производства* становятся общественной собственностью, и тем дается единственный действительный способ избежать возникновения новых видов эксплоатации человека человеком, нового неравенства, нового деления на работающих бедняков и праздных богачей.

Поэтому Мор с полным правом считается основателем и родоначальником всего новейшего социализма.

Но в вопросе о том, как *добиться*, как осуществить социализм, Мор ошибался так же, как ошибались утопические социалисты в XIX веке: он боялся народных восстаний, не верил в то, чтобы народные массы завоевали социализм собственными революционными усилиями, и все свои надежды возлагал на благодетельных и умных правителей, которых *убедят* его

доказательства и соблазнит картина счастливой и спокойной жизни при коммунистическом строе.

Мы знаем, что таких благодетельных и умных правителей из среды господствующих классов *не нашлось и до настоящего времени.* Зато *рабочий класс* усвоил вполне идеи великого английского коммуниста в том новом и усовершенствованном виде, который придал им научный социализм Маркса и Энгельса. И начинающаяся мировая пролетарская революция эти идеи осуществит.

II. ГРАКХ БАБЕФ.

1760—1797.

В конце XVIII века, 125 лет тому назад, когда Великая Французская революция клонилась к упадку, царила буржуазная реакция, а народные массы, совершившие революцию, голодали, в это время произошла первая в новейшей истории попытка произвести насильственный *коммунистический переворот*, при помощи свержения власти богачей и установления революционной *диктатуры бедноты.* Эту попытку задумал родоначальник новейшего, боевого, революционного коммунизма— *Бабеф.*

Томас Мор в начале XVI века положил основу *идейной, теоретической* разработки вопросов социализма, т.-е. доказательствам его желательности и осуществимости, на-ряду с критикой всего общества, основанного на неравенстве, насилии и эксплоатации; Бабеф же сделался учителем и революционным примером для всех тех представителей угнетенных и эксплоатируемых масс, которые хотели путем восстания этот социализм осуществить.

Франсуа-Ноэль Бабеф, присвоивший себе, по тогдашнему обыкновению, прозвище *Гракха*, по имени знаменитых древнеримских революционеров, братьев *Гракхов*, родился в 1760 г. в семье бедняков. В ранней молодости он был лакеем, что дало ему возможность хорошо изучить закулисную, скрытую от посторонних глаз, сторону жизни тогдашней знати. Затем, упорно занимаясь самообразованием, он сделался землемером и в этой деятельности тоже изучил все бесстыдные происки,

обманы и расхищения крестьянских земель, практиковавшиеся дворянством и земельной буржуазией.

С самого начала революции 1789 г. Бабеф всей душой примкнул *к народному* движению, а не к движению буржуазной интеллигенции; он принимал участие в крестьянских восстаниях против помещиков, и за неугомонную революционную деятельность, за вечную борьбу с общественной несправедливостью его преследовали все время революции разные власти, от провинциальных дворян в 1789 г. до революционного Комитета общественного спасения 1793 г., когда господствовала самая революционная мелко-буржуазная партия *якобинцев*, с Робеспьером во главе.

Он неоднократно сидел в тюрьме, но каждый раз по выходе из нее снова принимался за борьбу. Уже с первых дней революции он сделался писателем и стал добиваться не только политической свободы и прав для народа, но и экономического равенства. Он протестовал против таких порядков, при которых одни «погибают от голода, тогда как другие утопают в излишествах и наслаждениях».

А спустя пять лет, в 1794 г., вскоре после свержения Робеспьера, он писал уже такие пророческие слова: «Железной рукой нужно подавить противников грядущей коммуны. Мы освобождаем бедных от богатых, слуг от господ. Они готовы бросить нас в тюрьмы, мы сметем их с лица земли... Все должны в поте лица зарабатывать хлеб, а не обманывать народ ложью о пользе сотрудничества с лакеями аристократов. Захватить власть еще не все. В моей коммуне нельзя воровать, попусту тратить деньги, взваливать свой труд на чужие плечи. Только суровая дисциплина, упорный труд и беспощадная война ворам, какие проберутся к нам в коммуну, поможет мне осуществить истинное равенство во Франции... Вы утверждаете, что диктатура меньшинства—опасность для свободы. *Зачем свобода беднякам и нищим, когда ею пользуются и богачи?* Наша свобода—рабство для богатых: мы обязаны сломить их и установить *диктатуру бедных. Иначе диктаторами станут умные из аристократов.*

«В борьбе этой будут неудачи, но позорно терять бодрость духа. За нас народная беднота»...

Постепенно, от неопределенного стремления к общему

равенству Бабеф перешел к *коммунизму*, т.-е. к отрицанию частной собственности. С осени 1795 г. он вместе с несколькими товарищами основал тайное «общество равных». Это общество должно было подготовить революционный переворот с тем, чтобы передать власть коммунистам и, при помощи ряда переходных мер, конфискации собственности изменников и бунтовщиков, отмены права наследства, уничтожения денег и т. д. постепенно ввести коммунистический строй.

Бабеф усиленно занялся пропагандой и агитацией в издававшейся им газете и тайных листках. Вместе с тем вербовались члены «общества равных» и сторонники будущего переворота. К весне 1796 г. тайная организация «равных» насчитывала уже 17.000 членов. Но состав ее был довольно-таки разношерстный; кроме сравнительно небольшого ядра рабочих - коммунистов, туда входило много бывших якобинцев, много просто недовольных, желавших вернуть времена якобинской диктатуры.

Неудивительно поэтому, что в организацию проник и шпион, офицер Гризель, который выдал буржуазному правительству «Директории» весь «заговор равных» и всех заговорщиков. 10 мая 1796 г. Бабеф и его ближайшие сообщники были арестованы, при чем был захвачен план организации, заготовленные декреты будущего революционного правительства и т. д. Попытка уцелевших от ареста членов организации поднять военное восстание потерпела полную неудачу.

Через год Бабефа с товарищами судили. Обвиняемые держали себя мужественно и даже вызывающе, пели Марсельезу и открыто излагали свои цели. Наоборот, буржуазные судьи республики осыпали их оскорблениями и пытались даже обвинить их в тайном союзе с монархистами. Бабеф и один из его товарищей были приговорены к смерти, остальные—к ссылке. После приговора Бабеф пытался заколоть себя кинжалом, чтоб не отдаться живым в руки палачей. Но он лишь ранил себя и был все же казнен (27-го мая 1797 г.).

Как можно видеть из статей Бабефа, из расклеенного организацией «Манифеста равных» и из декретов, приготовленных ими на случай победы, заговорщики хотели ввести во Франции коммунизм, при котором все орудия и особенно земля были бы общей собственностью, а производство и потребление

всех граждан строго регулировалось бы государственными чиновниками.

Для того времени такой план был утопичным, т.-е. неосуществимым, даже в случае временной удачи восстания. Современного промышленного капитализма в тогдашней Франции еще почти не существовало. Не было, следовательно, и современного фабрично-заводского пролетариата больших городов, который один является настоящим носителем социализма и один может его осуществить. В тогдашней Франции было много *бедняков*, которые мечтали о справедливости и равенстве и ненавидели богачей; но этого недостаточно для торжества социализма. Огромное большинство французского населения были мелкими собственниками; мелкая собственность преобладала не только в земледелии, но и в промышленности. И все они самым решительным образом воспротивились бы введению коммунизма.

Сам Бабеф не понимал еще того огромного переворота в производстве и во всех общественных отношениях, который несет с собой капитализм. Самый его коммунизм был поэтому не идеологией пролетариата, т.-е. не выражением его интересов, как современный социализм, а идеологией бедноты вообще; и идею коммунизма он применял почти исключительно к земле и ее плодам.

Тем не менее, при всей своей преждевременности и неразвитости, движение, известное под названием «заговора Бабефа», оставило глубокий след в сознании французских рабочих, как первая попытка уничтожить царство гнета и эксплоатации.

Поэтому Бабефа и можно считать родоначальником всего революционного социализма XIX века, а следовательно, и революционного марксизма. Только «*диктатура бедноты*», провозглашенная Бабефом, превратилась спустя полвека в марксовскую «*диктатуру пролетариата*».

III. РОБЕРТ ОУЭН.

1771—1858.

Первый великий основатель идейного коммунизма, англичанин *Томас Мор*, выступил тогда, когда европейский и в част-

ности английский капитализм был еще в зародыше и только начал разрушать старинные, средневековые порядки. Деятельность другого знаменитого английского социалиста — Роберта Оуэна—проявилась во время так называемой *промышленной революции* конца XVIII и начала XIX века, которая раньше всего и больше всего захватывала Англию и создавала *новейший капитализм* и новейший *промышленный городской пролетариат*.

Это была мирная, бескровная экономическая революция. Но последствия ее были громадны. Она состояла в постепенной замене прежних ремесленных мастерских с их сонной и спокойной жизнью—большими фабриками, с машинным производством, с сотнями и тысячами рабочих. При помощи машин товары производились гораздо дешевле, чем ремесленные; ремесленники разорялись и сами должны были итти на фабрики, нередко вместе с женами и детьми. Кроме того, жадный капитал, нуждаясь в свободных рабочих руках, закончил то обезземеление и разорение крестьян, которое началось еще при Томасе Море. Капитал, кроме того, предпочитал эксплоатировать более покорный женский и детский труд. И если родители не хотели отдавать в фабричную кабалу маленьких детей, то фабриканты брали их из детских приютов. Эксплоатация капитала не знала никаких пределов и беспощадно, непосильной работой и ужасными условиями жизни разрушала организм рабочих, уродовала их телесно и душевно.

Против этой разрушительной работы капитала и выступил великий друг рабочих, друг человечества, реформатор и коммунист *Роберт Оуэн*, оказавший огромное влияние на развитие идей социализма не только в Англии, но и во всей Европе и Америке.

Оуэн родился 14 мая 1771 г. в многочисленной полу-мещанской, полу-крестьянской семье. По окончании плохонькой деревенской школы, его отдали 11 лет от роду в ученики к лондонскому купцу. Замечательные способности мальчика, который непрерывно учился по ночам, его трудолюбие и добросовестность помогли ему необычайно быстро подниматься по общественной лестнице, «делать карьеру». Переходя от одной торговой и промышленной фирмы к другой, Оуэн сделался последовательно приказчиком, управляющим бумагопрядильной (текстиль-

ной) фабрики, потом веревочной и, наконец, даже компаньоном и совладельцем одной текстильной мануфактуры в маленьком угрюмом поселке *Нью-Ленарк* (в Шотландии), который, благодаря Оуэну, прославился на весь мир. Это было в 1800 г., на пороге XIX века.

Вот как описывают состояние Нью-Ленарка к тому времени, когда туда явился Оуэн: «Там жило около 2.500 рабочих с семьями. Деревня представляла образец фабричного поселка того времени. Около 500 рабочих были дети, набранные в благотворительных приютах соседнего города. Они жили в громадном бараке, специально для них устроенном. Обыкновенно они начинали работать на фабрике с *шестилетнего* возраста; рабочий день продолжался с шести часов утра до семи вечера; те из них, которые выживали, оставались калеками и уродами в физическом, умственном и нравственном отношения. Работа была так тяжела, а заработная плата так низка, что только низшие слои рабочего класса соглашались работать при таких условиях. В деревне царила невылазная грязь; население отличалось грубостью, пьянством, воровством и развратом и находилось в полной кабале у деревенского ростовщика, кабатчика и лавочника».

В это время Оуэн, благодаря своему собственному жизненному опыту, огромной наблюдательности и изучению великих философов XVIII века, уже пришел к тому убеждению, которое он потом проводил всю свою жизнь. Это убеждение можно определить следующими словами: человек есть продукт окружающей среды, условий жизни, особенно воспитания; если мы хотим исправить людей, надо их не наказывать, а поставить в такие условия, которые не толкали бы их к дурным поступкам и преступлениям. Это была новая теория (учение) воспитания и выработки человеческого характера, и эту новую теорию попытался Оуэн осуществить в Нью-Ленарке, став главным управляющим фабрики, от которого зависела судьба нескольких тысяч человек.

Он поставил всех рабочих в лучшие условия: сократил рабочий день, повысил заработную плату, устроил для рабочих лавочку, где продукты продавались по себестоимости, отменил штрафы и всякие наказания, заменив их отметками о поведении рабочего, которые вывешивались на фабрике,

Кроме того, он перестал пользоваться трудом маленьких детей. Вместо этого он открыл для них школы, пригласив хороших учителей. Чтобы отвлечь взрослых от кабака, Оуэн и для них устроил вечерние школы, библиотеку и читальню. Все это было тогда необычайно новым и революционным. Оуэну пришлось долго и упорно бороться с другими компаньонами, которые не хотели тратить деньги на «сумасбродные затеи» Оуэна и боялись, что фабрика начнет приносить убыток. Мало того, он столкнулся с недоверием и упрямством со стороны самих рабочих, которые подозрительно относились ко всему, что исходило от фабрикантов.

Но настойчивость, терпение и мягкость к людям, проявленные Оуэном, преодолели все препятствия. В начале дело шло плохо, но Оуэн слишком был уверен в правильности своих идей, и его не смущали неудачи. И, действительно, через несколько лет, благодаря его упорным и настойчивым усилиям и любви к делу и людям, совершилось чудо. Нью-Ленарк стал неузнаваем. Он превратился в чистенький городок с здоровым, веселым и нравственно перерожденным рабочим населением. Он стал колонией, из которой Оуэн устроил мастерскую нового общества. И что больше всего удивляло фабрикантов и все тогдашнее буржуазное общество, это то, что доходы фабрики не только не уменьшились, но даже увеличились. Рабочие стали работать более производительно и добросовестно, больше вырабатывали и меньше портили товара.

Ободренный успехом своего начинания, Оуэн пошел дальше. В целом ряде книг, брошюр и докладов он доказывал, на основании опыта Нью-Ленарка, что все преступления и несчастия современного человечества происходят от неправильной, ненормальной организации общества. Если дать детям правильное и разумное воспитание, говорил Оуэн, если взрослых заинтересовать в результате их общественного труда, если все будут участвовать в общей работе и будут вести достойный человека образ жизни, то человечество так же переродится, как переродился Нью-Ленарк. Для этого земля и другие орудия и средства производства должны стать общим достоянием, и современный строй капиталистической эксплоатации должен замениться обществом, построенным на товарищеских артельных началах. Таким образом Оуэн постепенно стал социалистом, или, как он сам себя называл, коммунистом.

На первых порах чудо, совершенное в Нью-Ленарке, привлекло всеобщее внимание. Туда приезжали разные высокопоставленные особы и очень милостиво хвалили Оуэна. Поэтому и он, подобно Томасу Мору, в начале ждал осуществления нового общества не от усилий самих рабочих, а от покровительства высших классов и правителей. Он неустанно подавал докладные записки с изложением своих идей разным монархам Европы—и даже русскому самодержцу Николаю I, но из этого, конечно, ничего не выходило. А когда Оуэн сделал последние выводы из своего учения и решительно выступил против религии, как против величайшего зла, от него отшатнулись те представители духовенства, которые его как будто одобряли, его стали травить и даже грозить ему.

Разочаровавшись в сильных мира сего, Оуэн хотел на более широком примере, чем Нью-Ленарк, доказать осуществимость и благие последствия его идей. В 1825 г. он уехал на несколько лет в Америку, где было много свободных земель и где люди, как он думал, не заражены европейскими буржуазными предрассудками. Там он решил основать добровольную социалистическую колонию-коммуну. Он сделал несколько попыток, потратил на них все свои личные средства, но ни одна из них не имела прочного успеха; отчасти это случилось потому, что подбор членов коммуны был неудачный, что это были люди далеко не всегда идейные, невыдержанные и иногда даже корыстные; главным же образом потому, что нельзя среди капиталистического общества искусственно создавать островки социализма. Такие островки или погибают от капиталистической конкуренции, разлагаются внутренно, банкротятся, или сами постепенно превращаются в капиталистические компании, эксплоатирующие чужой труд.

Но и при этой неудаче Оуэн не упал духом. Вернувшись в Англию, он затеял создание *«менового банка»*, где рабочие обменивались бы своими продуктами согласно затраченному времени, обходясь без посредников-эксплоататоров. Этот план, конечно, тоже с самого начала обречен был на неудачу: обмениваться продуктами могут только мелкие самостоятельные ремесленники, а не рабочие больших фабрик и заводов, где продукты—результат работы многих людей, часто разбросанных даже по разным странам. Кроме того, даже у ремеслен-

ников обмен продуктами *без регулирования всего производства* невозможен: одни могут произвести слишком много, другие— слишком мало.

Оуэн понял это только после неудачного опыта, который вызывался его горячим и страстным желанием как можно скорее осуществить план человеческого общества, не основанного на эксплоатации. И только тогда, в 1830-х и 40-х годах, уже глубоким стариком, Оуэн оценил все огромное значение начинавшегося в Англии организованного рабочего движения, оценил и отдался ему всей душой. И хотя в грозном революционном движении английских рабочих, известном под названием *чартизма*, Оуэн не принимал участия, до конца оставаясь в стороне от политики, но в первых зачатках *рабочей кооперации*, в организации первых профессиональных *союзов*, в борьбе за законодательную охрану труда,—во всем этом было идейное влияние и участие Оуэна, во всем этом его ближайшие ученики и последователи, первые сознательные английские рабочие социалисты, играли очень большую роль.

В то же время до последнего дня своей долгой, 87-летней жизни Оуэн не переставал проповедывать перед всякими учеными, политическими и благотворительными обществами свои идеи о новом воспитании и о необходимости переустроить все общество на коммунистическое. В этой среде его коммунистическая проповедь, конечно, успеха не имела. Но его взгляды на воспитание детей признаны всеми лучшими педагогами. А мощное английское кооперативное и профессиональное движение считает Оуэна своим духовным отцом и основателем; и ему же в значительной мере обязано своим возникновением английское фабричное законодательство, эта первая уступка, вырванная рабочими у правящих классов.

Для рабочих же всего мира Роберт Оуэн навсегда останется образцом хотя и ошибавшегося часто, но глубоко идейного, бескорыстного и неутомимого борца за светлое будущее всего трудящегося человечества.

IV. СЕН-СИМОН и ФУРЬЕ.

Во Франции промышленный переворот сказался гораздо позже, чем в Англии, и новейший капитализм развивался в

ней значительно медленнее и слабее. Во Франции гораздо больше сохранилось во многих отраслях промышленности мелкое ремесло, в котором интересы хозяев и рабочих не так заметно противоположны, как на крупной фабрике: хозяин-ремесленник часто работает вместе со своими рабочими, которые, в свою очередь, надеются стать самостоятельными хозяевами.

Кроме того, Великая революция, потрясавшая Францию в конце XVIII века, приведшая к диктатуре Бонапарта и наполеоновским войнам, вызвала у многих благородных и мыслящих людей разочарование в революции и ее способах разрешения общественных вопросов, недоверие к народным массам, страх перед их восстаниями и отвращение ко всякому насилию.

Поэтому учение первых великих французских социалистов XIX в. еще меньше, чем учение Оуэна, опиралось на действия самих рабочих масс, еще больше проникнуто было мирным духом и еще больше возлагало надежд на просвещенный разум каких-нибудь правителей или благородных буржуа. Поэтому также оба первых знаменитых социалиста Франции XIX века — *Анри Генрих Сен-Симон* и *Шарль Фурье* не были последовательными коммунистами и в своих планах будущего общества сохраняли на-ряду с трудом и капитал. Вся их резкая и разрушительная критика направлена была против *паразитических* элементов капитала, против банкиров, спекулянтов, биржевиков, торговцев. Капитал же *промышленный*, который в их время еще пробивал себе дорогу во Франции, еще был прогрессивным, творческим, считался ими нужным и полезным даже в будущем обществе.

Но вместе с тем от прошлых социалистов, особенно от Бабефа, оба они отличались более глубоким пониманием экономических и общественных условий жизни, руководствовались не простым стремлением к равенству, хотя бы при общей бедности, а стремлением к безграничному простору человеческой деятельности, к огромному развитию материальных и духовных богатств человечества и верили, что, при победе социализма, перед человеческим родом откроется самое блестящее и счастливое будущее.

Впрочем, несмотря на эти сходные черты, Сен-Симон и Фурье действовали совершенно независимо друг от друга и

резко различались как по своему происхождению и образу жизни, так и по созданным ими учениям.

Анри Сен-Симон (1760—1825) происходил из старинной аристократической, княжеской семьи. Жизнь его была полна приключений, не имевших никакого отношения к учению социализма. Разочаровавшись в тех удовольствиях, которые он искал в молодости в своем аристократическом кругу, возненавидев всю аристократию, все старое барство, как класс умирающий, паразитический, он один из первых понял все огромное значение совершавшегося промышленного переворота и с гениальным даром предвидения предсказал величие того экономического и умственного прогресса, которым, действительно, отличалось начинавшееся XIX столетие. Он увлекался всеми видами наук, сделался инженером, в целом ряде промышленных проектов истратил все свое состояние и умер нищим.

В многочисленных сочинениях Сен-Симона разбросано много блестящих, замечательных мыслей (конечно, на-ряду с многими устарелыми и странными взглядами), которые потом вошли в общую сокровищницу научных знаний человечества и особенно научного социализма Маркса и Энгельса. Сен-Симон установил понятие *прогресса* в человеческой истории, т.-е. постоянной смены одних форм жизни другими, лучшими. Возникновение рабства, при котором пленным врагам оставляли жизнь и принуждали их работать на победителей, было уже прогрессом по сравнению с еще более дикими временами, когда всех пленников убивали. За рабством последовало крепостное право, этот смягченный вид рабства, за крепостным правом «свободный» наемный труд. За господством паразитического духовенства, дворянства и военщины, предсказывал Сен-Симон,—сам бывший дворянин и военный,—должен наступить век науки, промышленности, вообще полезного, производительного труда и творчества.

Если бы, говорил он, Франция в один прекрасный день потеряла своих лучших ученых, поэтов, художников, учителей, лучших рабочих-мастеров и наиболее деятельных капиталистов-организаторов, то она бы умерла духовно, осталась бы *телом без души*. Зато, если бы она точно так же потеряла всех королевских принцев со всей их свитой, всех министров, бюрократов, высшее духовенство и всех вообще праздно живущих бо-

гачей, то страна и народ от этого *ровно ничего не потеряли бы.*

Но, сознавая все огромное историческое значение нового промышленно-капиталистического периода, которому суждено беспредельно увеличить богатства человечества и его власть над природой, Сен-Симон прекрасно видел все темные, отрицательные стороны и явления капитализма. Он один из первых определил роль *пролетариата*, как *совершенно особого общественного класса*, а не только придатка мелкой буржуазии, как думали до него. Он видел, что этот пролетариат беспощадно эксплоатируется духовно и материально, и уже в начале предсказанного им блестящего расцвета буржуазии предсказал также замену буржуазно-капиталистического строя, основанного на частной собственности и борьбе классов,—обществом, основанным в духе *ассоциации*, т.-е. всеобщего объединения, союза и сотрудничества. Это стремление к ассоциации, ко все большей замене борьбы между людьми — их сотрудничеством, Сен-Симон провозгласил даже всеобщим законом человеческой истории. Эксплоатация человека человеком должна, в конце концов, уступить место *эксплоатации природы* всем объединенным трудовым человечеством. Управление *людьми* должно замениться управлением *вещами*. Вместо военных и дворян во главе человечества должны стать инженеры и ученые. Всем человеческим стремлениям должен быть дан полный простор. Пролетариат, как последний вид рабства, должен исчезнуть, слившись со всем человечеством в одну трудовую семью.

Отрицая современную ему церковь, Сен-Симон оставался все же религиозным и хотел даже основать новую религию (его последнее большое сочинение так и называется «Новое христианство»). Его ученики, так называемые сен-симонисты, сделавшие из его учения более определенные социалистические выводы, в то же время довели до смешного эту новую религию, со своими «первосвященниками», особыми обрядами и т. п.

Вообще, социализм Сен-Симона и его последователей выражал не стремления и интересы рабочих масс, а смутные чаяния молодой буржуазной интеллигенции, среди которой он тогда, главным образом, и распространялся [1]). Но всем великим

[1]) Вот почему, между прочим, идеями Сен-Симона увлекалась часть передовой русской интеллигенции 30-х и 40-х г.г. (Герцен, Салтыков и др.).

и ценным, что было в этом учении, в конце концов, воспользовался рабочий класс, идущий на смену буржуазии, которая в свою очередь стала классом паразитическим.

Шарль Фурье (1772—1837) был во многих отношениях полной противоположностью Сен-Симона. Сын богатого провинциального купца, он должен был, согласно желанию отца, тоже заняться торговлей и поступил в приказчики. Но торговля вызывала в нем всю жизнь непреодолимое отвращение, как искусство лгать и обманывать, и это отвращение сыграло большую роль в выработке его социалистических взглядов. Получив после смерти отца большое наследство, он потерял его во время революции. В молодости, по поручению своих хозяев, он много путешествовал по Европе, и это чрезвычайно расширило его кругозор и дало ему много полезных экономических сведений.

Сосредоточенный, замкнутый, молчаливый, он много читал и был, в противоположность общительному Сен-Симону, кабинетным мыслителем. 30 лет от роду он начал писать, а в 1808 г. написал свое первое большое сочинение, где излагал теорию социализма. А когда, спустя несколько лет, он получил небольшое наследство от матери, то бросил ненавистную торговлю и занялся исключительно изучением социальных вопросов. Он издал еще несколько сочинений, которые не только не обогатили его, но поглотили последние скудные средства. Умер он в глубокой бедности и почти в полном одиночестве.

Фурье дал замечательно меткую и яркую критику капиталистического строя и столь же яркую картину будущего общества, основанного на солидарности и «*гармонии*» (согласованности) всех человеческих стремлений и интересов.

В капитализме Фурье возмущался не столько неравенством, не столько эксплоатацией и нищетой народных масс (как это делали прежние социалисты, особенно Бабеф), — сколько его *бессмысленностью*, тем нелепым расточением сил и средств, которое вызывается системой отдельных, частных хозяйств и их взаимной конкуренцией. «Первопричиной всех общественных бедствий» он считал «*раздробление промышленности или неорганизованный труд*». В результате этой противообщественной промышленности, «всякая отдельная личность находится в состоянии преднамеренной войны с массой».

Фурье вычислял и доказывал, какая масса труда затрачивается в современном обществе непроизводительно, сколько в нем бездельников, паразитов, ненужных и бесполезных профессий. С другой стороны, та же неорганизованность приводит к тому, что «в эпоху цивилизации бедность рождается из самого избытка», т.-е. является неизбежным спутником богатства. При капиталистическом строе труд является проклятием, и прежние социалисты полагали, что и в будущем обществе он останется повинностью. Фурье красноречиво доказывает, что при правильной организации общества труд стал бы радостью и наслаждением. Этой мысли, как и самому плану этой правильной организации, он посвящает главную часть всех своих сочинений.

Во всем мире, говорит Фурье, господствует гармония, т.-е. полная согласованность частей. Человек не может быть исключением из общего плана мироздания. Но нелепые законы, бессмысленное устройство общества извратили прекрасную человеческую природу. Богом даны человеку разнообразные «*страсти*», т.-е. желания, стремления и наклонности. Вместо того, чтобы их подавлять, чтобы жить не так, как хочется, и испытывать от этого страдания, надо только умело эти страсти направлять и соединять, и тогда общественная польза совпадет с личными желаниями каждого. По мнению Фурье, у человека от природы не может быть греховных, вредных или преступных желаний или наклонностей. Всякая человеческая страсть законна и может быть полезной, если ее надлежащим образом использовать.

С этой целью известное число людей (по вычислению Фурье, 1.500 — 2.000 человек) должны соединиться в один союз или ассоциацию, которую он назвал «*фалангой*», а общежитие, где они живут, «*фаланстером*». Туда входят люди самых различных профессий, способностей и наклонностей, соединенные между собой по однородным группам. Все они образуют как бы одну трудовую артель и один кооператив вместе. Фаланстер представляет из себя прекрасный дворец, где имеется все, что нужно для удобной, красивой и приятной жизни. Тут же находятся мастерские, склады и поля.

В такой фаланге каждый делает то, что ему приятно, и легко может менять занятия. Из каждой склонности общество

может извлечь пользу. Так, напр., дети, говорит Фурье, любят копаться в грязи; вот мы им и поручим все грязные работы.

Благодаря большой экономии сил и средств, продукты получаются в фаланстере с небольшой затратой труда и обходятся очень дешево, так что жизнь его обитателей проходит в полном изобилии всех благ земных. Но к равенству и к коммунизму Фурье не стремится. Наоборот, он думает, что известное разнообразие и чувство собственности необходимы, что без них не было бы прогресса. Мало того. Чтобы привлечь в свой фаланстер капиталистов и талантливых людей (инженеров, изобретателей и т. п.), Фурье предлагает им *особые премии* за капитал, искусство или талант. Таким образом, жизнь в фаланге может быть устроена соответственно с любыми средствами, и роскошно и скромно, и сообразно вкусам и наклонностям каждого.

Но при всем этом, фаланга является единым хозяйством и в ней отсутствует эксплоатация человека человеком.

Огромное значение придавал Фурье общественному воспитанию детей, изучению детского характера, соединению обучения с производительным трудом. Идея «трудовой школы» исходит именно от Фурье (как отчасти и идея потребительской кооперации). Он же проповедывал полное освобождение женщины от унизительного домашнего рабства, от всяких мелочных забот о домашнем хозяйстве.

Вместе с блестящими и глубокими мыслями в сочинениях Фурье можно найти множество самых детских и причудливых фантазий, над которыми его противники много смеялись. Но эти странности и чудачества забыты, тогда как все светлые идеи Фурье сделались давно достоянием мыслящих людей и особенно социалистов.

Гораздо серьезнее другая ошибка Фурье, свойственная ему, как и другим социалистам-мечтателям со времен Мора. Он так был уверен в истинности, красоте, выгодности, разумности и практичности своего плана, что всю жизнь ждал с нетерпением того богача, который соблазнится прекрасной картиной фаланстера и даст для его устройства необходимый первый миллион. Фурье не ждал, правда, ничего хорошего от правительства, которое он всегда признавал лишь злом. Но в то время, как в Англии и во Франции уже чувствовались

первые взрывы революционного рабочего движения, Фурье его не замечал или относился к нему с пренебрежением, с упрямством фанатика, ожидая до самой смерти того благодетельного банкира, который поможет ему осуществить его прекрасную мечту.

Впрочем, ошибки и странности обоих предшественников новейшего социализма, и Сен-Симона и Фурье, объясняются тем временем, в которое они жили, недостаточным развитием науки и общественных отношений. А то, что в эпоху начинающегося расцвета капитализма они с гениальной прозорливостью оказались пророками идущего ему на смену социализма, останется их бессмертной заслугой [1]).

V. ОГЮСТ БЛАНКИ.

1805—1881.

Знаменитый французский революционер Огюст (Август) Бланки был всю свою жизнь ярким олицетворением неукротимого духа пролетарской борьбы. Он участвовал активно во всех французских революциях XIX века и защищал интересы рабочего класса и всех угнетенных против всех правительств Франции. За то его возненавидели все буржуазные партии, до самых левых включительно, за то он подвергался преследованиям при всех режимах; при контр-революционном правительстве Бурбонов, при буржуазной монархии Луи-Филиппа, при «демократической» республике 1848 г., при империи Наполеона III и, наконец, при той республике, которая начала свою историю с кровавого усмирения Коммуны и существует доныне, отпраздновав недавно свой 50-летний юбилей.

Два раза Бланки был приговорен к смерти, при чем смертная казнь была ему заменена вечным тюремным заключением. А в тюрьмах он просидел, нередко при самых ужасных условиях, в общей сложности, *целых 37 лет*, т.-е. половину всей своей жизни.

Бланки был сын бывшего провинциального чиновника Наполеона I, деятеля Великой Французской революции, и

[1]) В России первыми последователями Фурье были *«петрашевцы»*—, кружок, собиравшийся у Петрашевского и осужденный на каторгу в 1849 г.

уже с раннего детства с жадностью слушал рассказы отца о великих исторических событиях, о борьбе народа против короля и дворянства. Ему было всего 10 лет, когда при свержении Наполеона I и возвращении контр-революционных дворян-помещиков с их королем во главе, семья Бланки должна была спасаться бегством, и впечатлительный мальчик был свидетелем, как хозяйничала грубая контр-революционная солдатчина. А спустя несколько лет, в 1818 г., маленький Огюст был взят своим старшим братом в Париж и отдан в гимназию.

В это время весь французский народ—крестьяне, рабочие и демократическая интеллигенция—стонал под гнетом контр-революционной дворянской банды, которая захватила власть с помощью русских, немецких и английских штыков и распоряжалась во Франции, как в завоеванной стране. Восстания голодных крестьян и рабочих, бунты солдат, которые еще помнили революцию, усмирялись с беспощадной жестокостью. В стране царил белый террор, и гимназист Бланки с товарищами однажды присутствовал при публичной казни четырех смелых солдат-революционеров. Все это глубоко запало в душу молчаливого и сдержанного, но страстного и энергичного юноши, и он дал себе клятву всю свою жизнь посвятить борьбе против правительства и правящих классов в защиту всех угнетенных и обездоленных.

Блестяще окончив гимназию, Бланки уже в студенческие годы примыкает к тайным революционным обществам, участвует в студенческих демонстрациях и получает свое первое боевое крещение в виде удара саблей и ружейной пули, полученных им от королевских солдат. В революции 1830 г., совершенной рабочими и мелко-буржуазной интеллигенцией, Бланки принимает самое горячее участие и все три дня баррикадной борьбы, вплоть до победы народа над войсками, проводит с ружьем на баррикадах.

Тотчас после революции, увидев, что банкиры и другие дельцы богатой буржуазии использовали восстание народа в своих целях и посадили на престол своего ставленника, короля Луи-Филиппа, родственника свергнутой династии Бурбонов,—Бланки начал против нового буржуазного правительства непримиримую и неутомимую борьбу. Он организовал тайные общества из рабочих и интеллигенции, устраивал заговоры,

подготовлял восстания. Его несколько раз арестовывали, судили, приговаривали к тюрьме, отдавали под надзор полиции. За это время он постепенно из интеллигентского, мелко-буржуазного демократа становится *коммунистом*, особенно под влиянием хозяйничания буржуазии, первых рабочих восстаний в Лионе (1831 и 1834 г.г.) и знакомства со старым, вернувшимся из ссылки, коммунистом—*Буанаротти*, товарищем *Бабефа*.

Наконец, 12 мая 1839 г. Бланки попытался устроить вооруженное восстание с целью свергнуть власть буржуазии и учредить революционную диктатуру. Восстание было неудачным, так как народная масса не примкнула к заговорщикам. Бланки был арестован, приговорен к смерти и после «помилования» замурован вместе с товарищами в одиночку мрачной и страшной тюрьмы «Гора Святого Михаила». Порядки и режим этой тюрьмы напоминали самые худшие русские тюрьмы времен царизма. Глухая одиночка, карцера, избиения, отвратительная пища... При этом смерть любимой жены чуть не довела Бланки до сумасшествия. Но страшным напряжением воли он взял себя в руки, пытался даже бежать, но был пойман. Он много читал и писал, пряча писанное от начальства. Горловая чахотка заставила, наконец, перевести Бланки в другую тюрьму, на юг, где он отказался от неожиданного королевского помилования и был освобожден лишь на *девятый* год из заключения *февральской революцией 1848 г.*

В Париже была провозглашена республика. По требованию рабочих во временное правительство, самозванно составленное из адвокатов и журналистов, были включены социалисты— писатель *Луи Блан* и рабочий *Альбер*. Но они не выражали настоящих интересов пролетариата, шли на соглашения с буржуазией, были слабы и нерешительны, а иногда, как Луи Блан, даже шли против революционных рабочих. Бланки все это видел и понимал. С первых же дней революции он стал разоблачать лицемерную политику правительства, которое получило власть, благодаря рабочим, и ничего им не давало. В основанном им клубе Бланки вел неутомимую революционную агитацию, готовился к свержению правительства и к созданию действительно революционной власти. Он организовывал рабочие манифестации, враждебные правительству и буржуазии.

И насколько его уважали и верили ему парижские рабочие, настолько возненавидела его вся буржуазия и все правительство, среди которого были и прежние товарищи Бланки по тайным революционным обществам 30-х годов. Его стали травить и преследовать. Про него при помощи подложного полицейского документа пустили даже гнусную клевету, будто он при Луи-Филиппе, после восстания 1839 г., выдавал полиции товарищей и секреты своей организации.

Бланки легко опроверг клевету и отразил этот предательский удар в спину, нанесенный ему врагами и бывшими друзьями. Но многие все же усомнились, и популярность Бланки поколебалась. Не довольствуясь этим, правительство после созыва реакционного Учредительного Собрания воспользовалась манифестацией 15 мая, во время которой народ ворвался в здание Учредительного Собрания, и арестовало Бланки вместе с другими руководителями манифестации. Спустя почти год, после суда, где Бланки произнес блестящую речь, превратившись из подсудимого в обвинителя всего буржуазного общества, его приговорили к 10 годам тюрьмы. Снова потянулись долгие тюремные годы, на этот раз в более свободных условиях, но в тяжелой атмосфере взаимной борьбы опустившихся политических арестантов. Вместе с Бланки сидели его политические противники, мелко-буржуазные революционеры; они его преследовали и в тюрьме, и только рабочим удалось оградить его спокойствие и безопасность.

Бланки и из этой тюрьмы, расположенной на острове, пытался бежать. Ему с молодым товарищем удалось спрятаться во время прогулки и перелезть через стену. Но их потом выдал рыбак, который должен был перевезти их с острова на берег. Пойманный Бланки с издевательством возвращен был в тюрьму.

Спустя несколько лет, которые Бланки провел в усиленной работе, его перевели в сырую тюрьму на остров Корсику, а оттуда, по окончании срока, отправили в ссылку в Африку; и лишь всеобщая политическая амнистия, «дарованная» в 1859 г. новым властителем Франции, императором Наполеоном III, вернула Бланки к политической жизни.

Во Франции в это время царила душная реакция. Рабочий класс был обезглавлен июньской бойней 1848 г. и деспо-

тизмом Наполеона. Вернувшийся после 11 лет тюрьмы Бланки был одинок. Даже сын его, воспитанный в буржуазной семье родных жены, вырос противным и эгоистическим буржуа и перестал существовать для Бланки. Только горячо любившие его сестры поддерживали его. Но слабый, маленький, седой, как лунь, старик вынес из тюрем всю энергию и революционную страсть своей молодости. Он почувствовал, что годы реакции кончаются, что среди рабочих и учащейся молодежи выросло новое поколение, способное к борьбе.

Бланки снова начал тайную революционную работу. Но при всей его осторожности, следившая за ним полиция арестовала его в 1861 г., и полицейский суд приговорил его опять к 4 годам тюрьмы. На этот раз его поместили в парижской тюрьме для политических, где он пользовался огромным уважением и воспитал целое поколение революционеров.

Незадолго до окончания срока тюремного заключения Бланки по болезни был переведен в больницу и оттуда бежал, основательно опасаясь, что после освобождения его отправят в ссылку. Он поселился в Бельгии, в Брюсселе, но постоянно тайком приезжал в Париж, где опять основал тайное революционное общество. Когда началась франко-прусская война, летом 1870 г., когда начались поражения французских войск и народ стал все больше протестовать против императорского режима, Бланки попытался поднять восстание в рабочем квартале Парижа, но и на этот раз так же неудачно, как в 1839 г. Ибо главная ошибка всей его деятельности была та, что революцию нельзя «сделать», как думал Бланки, нельзя вызвать искусственно. Революция вспыхивает сама, когда назреют известные условия.

И, действительно, всего несколько недель спустя после неудачной попытки Бланки, 4 сентября 1870 г., во Франции объявлена была республика.

На этот раз, под влиянием страстного патриотизма, Бланки допустил еще одну ошибку. Хотя после переворота 4 сентября у власти стали прожженные буржуазные дельцы и негодяи, известные Бланки еще по 1848 г., однако, он поверил в их искреннее желание спасти Францию от пруссаков, не понимая, что в борьбе против рабочих они готовы итти на любое предательство. В своей газете «Отечество в опасности»

он стал звать рабочих к временному отказу от всякой борьбы, к полной поддержке правительства. Но уже очень скоро он убедился, что тогдашнее временное правительство было достойно всей французской буржуазии и даже превосходило ее в подлости. Он начал требовать его отставки, чтобы на его месте создать настоящее народное правительство революционной обороны.

После неудачной рабочей манифестации 31 октября 1870 г., во время которой Бланки было предложено войти в новое правительство, он должен был скрываться от мстительной буржуазной реакции и, наконец, был арестован в провинции 17 марта 1871 г., как раз накануне того дня, когда восставшие парижские рабочие образовали революционную *коммуну*, т.-е. рабочее правительство.

После нескольких месяцев предварительного заключения в далекой приморской крепости, где Бланки сидел один в сыром подвале, отрезанный от всего мира, и где он написал интересное астрономическое сочинение, — его дважды судил военный суд и приговорил к вечному заключению. Его послали в провинциальную тюрьму, где томились уже многие жертвы палачей Коммуны, снова замуровали в одиночку, и там, осажденный болезнями, борясь со смертью, этот страшный для буржуазии старик провел еще 8 лет своей жизни. Начавшееся во Франции политическое оживление, пробуждение рабочих, надолго задушенных бойней Коммуны, — заставили парламент дать амнистию, и в 1879 г., дряхлый 75-летний старик был, наконец, освобожден.

Его бурно приветствовали рабочие и все, что было честного и мыслящего во Франции. И сам он еще целых полтора года провел в непрерывной социалистической пропаганде и агитации. Он умер *1 января 1881 г.*

Бланки был не только революционный борец, не только организатор заговоров, каким его всегда изображали. Он был также мыслитель, увлекательный оратор и остроумный писатель. Он был убежденный материалист и страстно ненавидел религию и духовенство. Он смеялся также над бесплодными мечтами и фантазиями утопических социалистов, боролся с теми рабочими, которые отказывались от революционной деятельности и все надежды возлагали на мирные экономические организации, на артельные мастерские и кооперативы,

Сам Бланки признавал лишь один путь к социализму: *захват революционными рабочими политической власти.* При этом он не обращал внимания на экономическую организацию рабочего класса, слишком много значения придавал идеям и слишком мало—экономическим условиям. С научным социализмом Маркса он не был знаком. Тем не менее, хотя Маркс и Энгельс во многом были несогласны с Бланки, они все же глубоко его уважали и считали истинным вождем французского рабочего класса.

И, действительно, при всех ошибках политической деятельности Бланки, при всей односторонности его взглядов, он навсегда останется в глазах рабочих образцом преданности их интересам, рабочий класс всегда будет чтить в нем стойкого, мужественного борца и непреклонного революционера, всю свою долгую, мученическую жизнь отдавшего за дело социализма.

VI. ЛУИ БЛАН и КАБЭ.

Эпоха 40-х годов во Франции отличается не только проявлениями подпольного революционного коммунизма продолжателей Бабефа и Бланки. Как это было и в России в 90-х и 900-х годах перед первой революцией, на-ряду с кружковой деятельностью сторонников возрожденного бабувизма (учения Бабефа), широкое распространение получил «мирный», легальный социализм: вследствие своего «мирного» характера, он терпелся правительством, а вследствие своей легальности, и потому доступности, захватывал самые широкие рабочие массы. В этой близости к рабочим, на которых рассчитывали опереться социалисты 40-х годов и к которым они, главным образом, и обращались, и заключается важнейшее их отличие от чисто интеллигентских групп сен-симонистов и фурьеристов. В этом сказывалась более высокая стадия развития капитализма, большая сознательность классовой борьбы и значительно более высокий умственный, политический и культурный уровень французских рабочих, имевших за собою уже целое десятилетие борьбы с чисто буржуазным правительством.

В том самом 1840 г., когда за Бланки на долгие годы захлопнулись тяжелые двери одиночки, вышел целый ряд сочинений по социализму и в том числе три самых замечатель-

ных книги, имевших наибольшее влияние на рабочих вплоть до революции 1848 г.

Эти книги—«*Организация труда*» Луи Блана, «*Путешествие в Икарию*» Кабэ и «*Что такое собственность*» Прудона.

Прудону посвящается следующая глава нашей книги. Теперь же мы займемся, конечно, лишь в самых общих чертах, Луи Бланом и Кабэ.

Луи Блан, известный историк и блестящий публицист [1]), первый в истории социалист, ставший членом временного правительства (в 1848 г.), родился в 1811 г. в семье видного чиновника. Получив прекрасное образование, он занялся сперва учительской деятельностью, а потом стал журналистом и примкнул к левой, демократической печати. В 1838 г. он основал собственную газету, в которой впервые занялся рабочим вопросом. В этой же газете в следующем году стала печататься фельетонами его «Организация труда», которая и вышла отдельной книгой в 1840 г. Успех книги был необычайный. В 10 лет она выдержала 9 изданий и сделала Луи Блана одним из самых популярных и самых любимых рабочими писателей. Поэтому, когда разразилась февральская революция 1848 г., Луи Блан вместе с рабочим Альбером, одним из вожаков лионского восстания 1831 г., были, по настойчивому требованию огромной толпы рабочих, включены в только что образовавшееся коалиционное буржуазное временное правительство. В этом правительстве Луи Блан занимал двусмысленное, как мы бы теперь сказали, «соглашательское» положение и разочаровал революционных рабочих. Он был одурачен буржуазными дельцами, не раз защищал все правительство против таких революционных социалистов, как Бланки, и фактически помогал буржуазии «успокоить» революцию. Тем не менее буржуазия его возненавидела. После созыва Учредительного Собрания и попытки его разгона рабочими, Луи Блан был жестоко избит озверевшими национальными гвардейцами. А после усмирения июньского восстания он был предан суду и бежал в Англию. В эмиграции он пробыл более 20 лет, до свержения Напо-

[1]) Он написал 12-ти томную «Историю Великой Французской революции», где защищал якобинцев, «Историю 10 лет» (1830—1840), где бичевал июльскую монархию, и «Историю революции 1848 г.», а также «Письма из Англии».

леона в 1870 г., когда его выбрали от Парижа в Национальное Собрание. Но во время Коммуны Луи Блан не примкнул к восставшим парижским рабочим, а остался в реакционном Национальном Собрании, и на него, таким образом, легло позорное пятно сотрудничества с версальскими палачами Коммуны, хотя он и употреблял все усилия для смягчения зверств победителей.

Умер Луи Блан в 1882 г.

В историю социализма Луи Блан вошел, как член правительства и, главным образом, как автор «Организации труда». Между тем эта небольшая книжечка никаких особенно новых и оригинальных мыслей не заключает. Успех Луи Блана объясняется тем, что он в своем лице объединил идеи прежних социалистов—мирных утопистов и революционеров—и изложил их в форме определенного практического предложения, притом красивым, ясным и доступным языком, вполне приспособленным для сколько-нибудь интеллигентного рабочего. Луи Блан дал яркую и живую картину капиталистической эксплоатации в современной ему Франции: после тщательных и проверенных анкет он описал в точных цифрах нищету рабочих масс. Он указал на все грозящие нации последствия от этой эксплоатации, нищеты и вырождения. Главной причиной этих явлений Луи Блан считает «конкуренцию», от которой страдают не только рабочие, но и капиталисты; а средством к устранению этой конкуренции—*организацию труда*, на началах ассоциации, или, иначе, *«общественные мастерские»*, организуемые на средства государства и под его покровительством и ставящие себе задачей постепенно вытеснить капиталистические предприятия, «конкуренцией убить конкуренцию».

В начале социализм Луи Блана был очень скромный и умеренный. Подобно Фурье, он сохранял и собственность и даже капитал. «Капиталисты будут приглашены участвовать в ассоциации и получать проценты с своих капиталов; проценты будут им гарантированы на счет государственного бюджета; но капиталисты будут участвовать в выгодах предприятия только в качестве рабочих».

Но в позднейших изданиях своей книги, под влиянием критики, Луи Блан все более приближался к чистому коммунизму. Он требовал то равенства заработной платы, то

даже установления принципа—«каждому по его потребностям, от каждого по его способностям». Если в начале государство, по мысли Луи Блана, лишь оказывало *кредит* рабочим ассоциациям и общественным мастерским, было лишь «банкиром бедняков», то впоследствии государство все более становилось у него *организатором самого производства.*

Своим оппонентам и критикам из буржуазного лагеря Луи Блан отвечал, между прочим, следующим остроумным примером: «Перенеситесь на минуту в такое положение вещей, при котором все занимались бы разноской писем, и представьте, что правительство неожиданно объявляет: с этого времени только я буду заниматься пересылкою и разноскою писем. Сколько появится возражений! Как, скажут, правительство может достигнуть того, чтобы в назначенный час доставить все то, что 34 миллиона людей будут писать к 34 миллионам людей ежедневно, ежеминутно. И между тем известно, с какою удивительною точностью почтовое ведомство исполняет свое дело».

Главной заслугой Луи Блана надо считать ясную постановку вопроса о борьбе классов и о роли государственной власти. Он знал, что «власть — это организованная сила. Власть опирается на парламент, суды и солдат, т.-е. на тройную силу законов, приговоров и штыков. *Если не взять эту власть в качестве своего орудия, то столкнешься с ней, как с препятствием*».

Для своего освобождения пролетариям не хватает орудий труда; правительство должно это им доставить. Но для Луи Блана государство отнюдь не является вечным учреждением: «Будет время, когда исчезнет надобность в сильном и деятельном правительстве, так как не будет больше в обществе низших и несовершеннолетних классов».

Как же представлял себе Луи Блан возникновение правительства, покровительствующего пролетариату? Здесь самая слабая сторона и книги и деятельности Луи Блана. Он, хотя обращался уже и к рабочим, все же верил в здравый смысл буржуазии и правильное понимание ею своих интересов. Дело бедняков, говорил он буржуазии, это ваше собственное дело. Правительство будущих социальных реформ должно выйти из всеобщего избирательного права. Оно будет каким-то внеклассовым или надклассовым. В этом наивном ожидании про-

являются особенности чисто интеллигентской, т.-е. по существу мелко-буржуазной, психологии Луи Блана, как отчасти и во всем его плане «Организации труда» без одновременного обобществления всего производства.

Тем не менее «Организация труда» дала рабочим определенный лозунг борьбы, сделалась знаменем массового движения и сыграла большую роль в революции 1848 г., вызвав к жизни множество рабочих производительных товариществ. И хотя эти товарищества обыкновенно держались недолго, все же они содействовали классовому воспитанию пролетариата.

Не меньшее, если не бо́льшее влияние, чем Луи Блан, имел на французских рабочих 40-х годов *Этьен Кабэ* со своей коммунистической утопией «Путешествие в Икарию».

Кабэ был плебейского происхождения. Сын бочара, рожденный в 1788 г., он сам в детстве занимался ремеслом отца, который потом постарался дать ему хорошее образование. Став адвокатом, Кабэ подвергался преследованиям во время реставрации и явился одним из активных участников июльской революции. Правительство Луи Филиппа, чтобы приручить способного адвоката, попыталось дать ему видный пост. Но это не остановило его оппозиционной и демократической деятельности. Он вышел в отставку, был избран в депутаты, основал левую газету «Народник» («Le Populaire») и как с трибуны палаты депутатов, так и в газете яростно нападал на июльскую монархию. Его дважды судили, и во второй раз, присужденный к 2 годам тюрьмы, он в 1835 г. эмигрировал в Англию. Там он познакомился с коммунистическим учением по «Утопии» Томаса Мора и сочинениям Оуэна и сделался до конца жизни пламенным и убежденным сторонником коммунизма. Вернувшись во Францию в 1840 г., он издал, сперва под псевдонимом, свое знаменитое «Путешествие в Икарию» и ряд брошюр («Как я стал коммунистом», «Коммунистическое исповедание веры»), а с 1841 г. возобновил свою газету «Народник», на этот раз с определенно коммунистическим содержанием, которая просуществовала до 1848 г.

В программе газеты подчеркивается мирный и легальный характер проповедуемого ею коммунизма, которому придается

даже религиозный оттенок (как, впрочем, это делал и Луи Блан). «Для нас братство есть религия... состоящая в следующих поистине божественных изречениях: люби ближнего, как самого себя» и т. п. «Первым долгом общества является обеспечить всем своим членам жизнь с материальной, умственной и моральной стороны... Но мы желаем осуществления всех этих перемен согласно правилам справедливости, разума, братства, не экспроприируя и не угнетая никого. Мы хотим не революции, но реформы... и мы глубоко убеждены, что всех этих счастливых результатов вполне можно достигнуть могуществом общественного мнения». «Поэтому газета будет защищать идеи коммунизма, но будет требовать его установления при помощи общественного мнения и лишь *после подготовительного периода с подготовительным режимом*».

Что касается главного сочинения Кабэ—«Путешествия в Икарию», то по форме оно представляет увлекательный фантастический роман, где описывается со множеством интересных подробностей счастливая жизнь коммунистической страны Икарии. Особенности утопии Кабэ, отличающие его от прежних подобных сочинений, как и от главного образца, «Утопии» Мора,—следующие. В политическом отношении коммунистическое государство Кабэ является строго демократической республикой, где господствует большинство народа. Но опирающееся на большинство республиканское правительство до мельчайших подробностей регулирует всю жизнь граждан: их работу, жилища, одежду и даже пищу, т.-е. качество и количество блюд, их порядок и время еды. Свободы печати Икария не знает: издаются лишь официальные правительственные газеты, центральная и местные. (В этом сказалась ненависть Кабэ к развращенной буржуазной печати.) В отличие от фаланги Фурье, Кабэ сохраняет религию, хотя его священники скорее учителя нравственности, чем служители Бога, а самая религия сводится к проповеди любви и братства. Сохраняет он и старую буржуазную семью, и в Икарии брак является нерасторжимым.

Зато, в отличие от этих мещанских пережитков, ставящих Кабэ ниже Фурье и свидетельствующих о его мелко-буржуазных настроениях и некоторой узости взглядов, в одном отношении «Путешествие в Икарию» бесконечно опередило не только

Мора и его подражателей, но и Фурье. Это та огромная роль, которая в коммунистическом обществе приписывается машинам. Вся трудная, черная и грязная работа, для которой Мор вводил даже рабство и каторгу, а Фурье взывал к детям,—все это у Кабэ исполняется машинами, достигшими высокой степени совершенства и необычайно облегчающими труд человека. В этом понимании будущей роли машин виден тот прогресс, которого к началу 1840-х г.г. достигло развитие крупной промышленности, особенно в Англии, хорошо изученной Кабэ, и о которой Фурье, при всей необузданности своей фантазии, имел лишь очень слабое представление.

Кабэ понимал также, что сразу коммунистический строй ввести нельзя, и в его Икарии, после ряда революций и гражданских войн, когда победивший окончательно народ передал власть коммунисту Икару, он установил *переходный период* в 50 лет, в течение которого лишь *постепенно*, для нового поколения уничтожалась частная собственность, вводилась трудовая повинность и устанавливалось равенство.

Наконец, Кабэ, в отличие от всех прежних утопистов, хотя и стоял за мирный переход к коммунизму, но никаких надежд не возлагал на высшие классы или отдельных благодетелей и осуществления своих идеалов ожидал *только от самих рабочих*. Поэтому и Маркс с Энгельсом впоследствии, хотя и критиковали Кабэ, но все же с сочувствием относились к его коммунизму, который они называли первым проявлением чисто рабочего коммунистического движения.

И, действительно, книга Кабэ имела огромный успех именно среди рабочих. Число его сторонников, по мнению современников, доходило до многих десятков, если не сотен тысяч. И на-ряду с маленькими группами или сектами подпольных, революционных коммунистов в духе Бабефа, образовалась многочисленная фракция «икарийских коммунистов», мечтавших о коммунистических колониях.

Поэтому, когда Кабэ в 1847 г. удалось получить в Соединенных Штатах концессию на большую площадь земли, и он обратился с воззванием к желающим поехать с ним в Америку для основания такой колонии, это воззвание было принято самыми широкими массами с чрезвычайным увлечением

и энтузиазмом. Образовался комитет по организации переселения в Америку будущих колонистов. Кабэ был признан единоличным руководителем всего предприятия. Первая партия, без Кабэ, который временно остался в Париже, отправилась за океан в начале февраля 1848 г. А через три недели после их отплытия разразилась февральская революция, и провозглашена была республика, от которой пролетариат Франции ожидал своего социального освобождения. Это было первым ударом по задуманному Кабэ делу. Рабочих не тянуло больше в далекую, неизвестную Америку, и даже уехавшие жалели, что не остались в новой, революционной Франции. А затем начались обычные мытарства большинства коммунистических колоний в Америке. Прежде всего местность оказалась неудачной, вредной для здоровья. Колонисты болели и умирали. Затем пошли раздоры, разочарования, экономические неурядицы. Еще раз оказалось, что нельзя в новые мехи влить старое вино, сразу пересадить людей из буржуазного общества в коммунистическую колонию. Приезд самого Кабэ не помог делу. Колонисты переселялись на новые места, раскалывались, восставали против диктатуры Кабэ. Измученный неудачами, глубоко огорченный, Кабэ умер в 1856 г.

Но, несмотря на все неудачи и расколы, чаще всего вызывавшиеся спорами о формах правления в общине, диктаторской или демократической, Икарийские общины надолго пережили своего основателя. Одна из них была распущена в 70-х годах, а другая, с несколькими десятками членов, просуществовала даже до 1895 г., т.-е. почти полстолетия. Это показывает, как крепка была вера в правильность коммунистических принципов у рабочих-икарийцев и их детей, как велика была их нравственная стойкость и как отличались эти идейные пролетарии - коммунисты от тех случайных, нередко авантюристских элементов, которые пошли в колонию Оуэна, или от тех быстро разочаровывающихся интеллигентов, которые образовали фурьеристские фаланстеры в Америке.

Еще в 70-х годах, т.-е. 20 лет после смерти Кабэ, один из посетителей Икарийской общины, описывая ее простую, трудовую, но бодрую жизнь, прибавляет: «Всего интереснее побывать в воскресенье вечером. Тогда читают избранные места из сочинений великого икарийского апостола Этьена Кабэ,

поют песни, *и молодые люди говорят речи, полные энтузиазма к социализму»*.

VII. ПРУДОН.

1809—1865.

В числе предшественников современного социализма были и такие, которые своими идеями в течение долгих лет отклоняли значительные массы рабочих от правильного понимания их действительных интересов и тем задержали социалистическое развитие пролетариата. Виднейшее место между ними по своему влиянию и значению занимает французский писатель Прудон. Хотя он умер уже больше 50 лет тому назад, но влияние его еще до сих пор чувствуется среди рабочих Франции, Италии, Испании и некоторых других стран. А в России он не только воздействовал через посредство своего ученика, знаменитого анархиста Бакунина, на взгляды наших революционеров семидесятых годов,—он повлиял отчасти на выработку понятий об обществе одного из виднейших вождей нашей народнической интеллигенции, Н. К. Михайловского.

Прудон—наиболее яркий пример того, как выходец из среды трудящихся может с самыми добрыми намерениями проповедывать взгляды и понятия, *вредные* для рабочего класса, и как в то же время, будучи по существу злейшим врагом революционного социализма, он долгие годы причисляется и противниками и многими слепыми вождями рабочего движения к революционерам и социалистам. Поэтому даже краткое и поверхностное знакомство с жизнью и учением Прудона может быть поучительным в настоящий момент, может заставить глубже задуматься над основными задачами и судьбами социализма.

Пьер-Жозеф Прудон родился в 1809 г. в глухой французской провинции Безансон, в семье бедного ремесленника, вышедшего из крестьян. Этим своим крестьянским происхождением Прудон гордился всю жизнь, охотно называл себя «безансонским мужиком» и говорил, что его происхождение наиболее аристократическое, ибо 14 поколений его предков пахали землю, т.-е. занимались честным трудом, чего далеко не могли бы сказать о *своих* предках его противники из правящих классов.

Сам он перепробовал несколько профессий: был наборщиком, одно время даже сам содержал небольшую типографию, затем был частным секретарем, приказчиком, пока, наконец, не стал профессиональным писателем. С детства он самоучкой развивал свои знания, но все же систематического образования не приобрел и потому не избежал судьбы многих самоучек открывать давно открытые Америки, т.-е. своим умом доходить до того, о чем уже до него писали другие. В 1840 г. он написал свое знаменитое сочинение, которое создало ему известность: «Что такое собственность». В этом сочинении была та фраза, которая сразу сделала его пугалом для буржуазии, но которую еще за 60 лет до него сказал деятель французской революции Бриссо: «Собственность есть воровство».

В 1843—44 г.г. Прудон познакомился с молодым Марксом, который тогда был в восторге от него и проводил в беседах с ним целые ночи. Маркс тогда писал о нем: «Прудон не только пишет в интересах пролетариата, но он и сам пролетарий, рабочий. Его сочинение есть манифест французского пролетариата». Но недолго продолжалось это увлечение Маркса. Когда пять лет спустя Прудон издал свое двухтомное сочинение: «Экономические противоречия или философия нищеты», Маркс, который тогда уже вполне выработал свое социалистическое учение, оценил всю ошибочность, спутанность и даже вред тех взглядов, которые проводил в своей книге Прудон, и ответил на нее резкой критикой, которую назвал «Нищета философии». Эта критика так обидела Прудона, что он с тех пор порвал всякие сношения с Марксом.

Во время французской революции 1848 г. Прудон, который тогда уже был известен рабочим, был выбран от Парижа в Учредительное Собрание. После страшных июньских дней, когда буржуазия потопила в крови восстание рабочих, Прудон держал себя мужественно и с достоинством и в то же время пытался внушить буржуазии свои планы спасения общества. Когда однажды вождь буржуазии, Тьер,—тот самый, который в 1871 г. залил кровью новое восстание рабочих, Парижскую Коммуну,—бросил оскорбление по адресу Прудона, тот спокойно ответил: «Я предлагаю следующий поединок г. Тьеру. Я расскажу публично, перед всем собранием, свою жизнь, ничего не утаивая. И пусть потом то же самое сделает Тьер». Понятно,

низкий и злобный интриган Тьер не принял этого вызова. Но буржуазия нашла способ отомстить ненавистному ей «революционеру», который сказал когда-то, что собственность есть воровство, и тем ударил по самому чувствительному месту буржуазии: в 1849 г., как раз тогда, когда Прудон открыл в одном из рабочих предместий свой «народный банк», при помощи которого он надеялся мирным путем разрешить социальный вопрос и уничтожить бедность, и акции которого рабочие охотно раскупали,—Прудона приговорили к трем годам тюрьмы за литературное «преступление», т.-е. за статью в газете.

В то время, как он отбывал тюремное заключение, Наполеон Бонапарт совершил свой государственный переворот, разгромил республику и объявил себя императором. И Прудон, к удивлению многих, в тюрьме написал брошюру, в которой выражал надежду, что именно Наполеон осуществит его социальные идеалы. Впрочем, Наполеон оказался неблагодарным: в 1858 г. за новую книгу Прудона снова приговорили к 3-м годам тюрьмы. Но на этот раз он бежал в Бельгию. Умер Прудон в 1865 г.

Таковы важнейшие этапы жизни Прудона. Писал он очень много, до 30 томов, писал о самых разнообразных предметах и часто о таких, о которых у него было очень смутное представление.

Каков же тот общественный идеал, которому служил Прудон? Что предлагал он трудящимся для улучшения их положения? Каково его отношение к социализму?

На эти вопросы очень трудно дать краткий и общий ответ, прежде всего потому, что сам Прудон противоречит себе на каждом шагу. В своей первой книге о собственности он смело и резко критиковал буржуазную собственность и бичевал эксплоатацию трудящихся. Но это не помешало ему потом с такой же резкостью обрушиться на французских революционных социалистов 40-х годов, ибо по существу Прудон *был противником социализма*. Он не отрицал собственности вообще, —он отрицал лишь собственность *крупной* буржуазии. Что касается пролетариата, то Прудон стремился создать такие условия, при которых за рабочими обеспечена была бы их собственность, *продукт их труда*, чтобы рабочие могли работать, не подвергаясь эксплоатации, но без экспроприации буржуаз-

ной собственности, без насильственной революции, без обобществления производства. С этой целью он придумал план «*дарового кредита*». Если каждый рабочий будет получать кредит из «народного банка»,—думал Прудон,—то он может сам обзавестись нужными орудиями и сырым материалом и обойтись без капиталиста. Так и будет разрешен социальный вопрос мирным путем. Из этого видно, что Прудон совершенно не понимал законов капиталистического производства. Он не понимал, что в крупной, машинной промышленности ни один рабочий не знает, какая часть продукта принадлежит ему. Все его планы и проекты были приспособлены к обществу мелких производителей, ремесленников и крестьян, мелко-буржуазную психологию которых он и отражал. Этот мелко-буржуазный социализм борется с эксплоатацией крупного капитала, но он глядит не вперед, а назад, он хочет восстановить средневековые, *докапиталистические* отношения. Он не видит революционного значения капиталистического строя и революционного значения пролетарской борьбы.

Вот почему, между прочим, Прудон и его последователи выступали против стачек рабочих, полагая, что стачки лишь удорожают продукты и потому ухудшают общее положение трудящихся. В этом сказывалось то недоверие к рабочему движению, которое свойственно всегда *крестьянам.* Крестьянин верит лишь в свой труд, единственной формой борьбы за улучшение своего положения считает закрепление и увеличение *своей собственности* и на стачки рабочих смотрит, как на «беспорядок», который удорожает городские продукты и затрудняет сбыт его собственных продуктов.

В области политической Прудон относился резко отрицательно к государству и государственной власти и этим положил основание *анархизму*. Он считал, что всякое правительство приносит лишь вред своим вмешательством в общественную жизнь, и советовал гражданам устраивать свою жизнь, *бойкотируя* государственную власть. «Необходимо победить власть,—писал он,—не требуя от нее ничего; обнаружить паразитизм капитала, заменив его кредитом; осуществить свободу личностей, организуя инициативу масс».

И в этом недоверии к государству тоже проявилась мелкобуржуазная, крестьянская психология Прудона. Крестьянин

до сих пор видел всегда в государстве лишь аппарат для высасывания из него налогов, при чем революционные правительства делали это иногда особенно усердно. Поэтому и Прудон особенно враждебно относился к *демократии и всеобщему избирательному праву.* Ему принадлежит крылатое выражение, подхваченное Бакуниным: «всеобщее избирательное право—это контр-революция». Но эта ненависть к государству не мешала Прудону заигрывать с деспотизмом Наполеона III, ожидая от него осуществления своих мелко-буржуазных социальных утопий.

Наконец, требуя полной свободы человеческой личности, Прудон исключил из сферы этой свободы женщин. Он зло издевался над стремлением женщин к освобождению от семейного рабства, и считал, что место женщины не в общественной жизни, а в кухне и в детской.

Словом, во всем сказывались у Прудона узкий, мещанский кругозор мелкого буржуа и его постоянные колебания между трудом и капиталом.

Идеи Прудона пользовались влиянием именно в тех странах, где преобладало крестьянское и ремесленное хозяйство, где крупный капитализм был мало развит и где в то же время государственный бюрократизм вызывал особенное озлобление населения. Таково было положение во Франции, Италии и Испании. В этих странах рабочие долго были заражены «прудонизмом», и в них впоследствии больше всего был развит анархизм и анархо-синдикализм, который тоже отрицал политическую борьбу, участие в парламентах и всеобщее избирательное право.

По этой же причине и в России анархические взгляды Прудона долго господствовали в среде социалистической интеллигенции. Михайловский писал: «Социальный вопрос в России—это вопрос *консервативный*, ибо дело идет о *сохранении* за трудящимся орудий его труда.» Стремление крестьян *к дележу помещичьей земли* долго принималось, и до сих пор некоторыми принимается у нас, за стремление к социализму. И в этом отношении первенство принадлежит Прудону. «Крестьянин ждет только знака,—говорил он,—он хочет земли, он пожирает ее взорами, и она не уйдет от его вожделения...

Крестьянин прежде всего настроен революционно; это диктуется ему его мыслями и интересами».

И этот «социализм дележа», вместо организации общественного производства, имеет своей основой мелко-буржуазную психологию масс, из которой вырос мелко-буржуазный анархизм Прудона.

Однако, при всей неправильности и мелко-буржуазности многих идей Прудона, нельзя отрицать его больших заслуг в деле *критики* капиталистического строя и его защитников, как и критики буржуазной государственности. А своими нападками, беспощадными и язвительными, хотя далеко не всегда удачными, на буржуазную политическую экономию (в его книге о собственности) Прудон несомненно содействовал пробуждению экономической мысли молодого Маркса.

VIII. ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕЙТЛИНГ.

1808—1871.

Германия в первой половине XIX века была одной из самых отсталых стран Западной Европы. Новейший промышленный капитализм в ней был очень слабо развит. В деревне существовали еще остатки крепостного права. В городе царило мелкое ремесло. Полицейское самодержавие больших и малых правителей держало народные массы и интеллигенцию под самым бдительным надзором. Тем не менее, после французской революции 1830 г. революционные идеи и в том числе идеи социализма стали проникать и в Германию, захватывая интеллигентную молодежь и наиболее развитых ремесленных подмастерьев. Убегая от полицейских преследований, многие из них уезжали за границу, особенно в Париж, Лондон и Брюссель, где знакомились с европейским социализмом, образовывали кружки саморазвития и оттуда пытались вести агитацию в Германии. Самый замечательный из таких рабочих-социалистов, первый крупный германский социалист-агитатор и организатор, вышедший из народа, был талантливый портняжный подмастерье-самоучка *Вильгельм Вейтлинг.*

Будучи «незаконнорожденным» ребенком, он вырос в страшной нужде и лишениях. Он поступил в обучение к портному

и, в качестве портновского подмастерья, по тогдашнему немецкому обыкновению, странствовал по разным городам Германии. Возненавидев всей душой режим эксплоатации и насилия, он стал революционером и поехал в Париж, который в 1830-х и 40-х годах был центром всех революционно-социалистических учений. Там он стал изучать французских социалистов и вступил в сношения с тайными рабочими обществами, руководимыми *Бланки*. Он сделался посредником между утопическим социализмом французской интеллигенции и настоящим пролетарским социализмом, который вырос в Германии из учения Маркса и Энгельса.

В качестве ремесленного подмастерья он и сам по своему положению и своим взглядам стоял посередине между мелкой буржуазией и пролетариатом.

Эта промежуточная позиция отразилась и на выработанном им социалистическом учении, которое он проводил в трех своих важнейших сочинениях: «*Человечество, каково оно есть и каким оно быть должно*», «*Гарантии гармонии и свободы*» и «*Евангелие бедного грешника*», а также в издававшемся им в Швейцарии журнале «Молодое Поколение». Вейтлинг уже не верил, как французские утописты, в благородство и разум высших классов и все свои надежды возлагал на восстание бедняков, всех униженных и оскорбленных. Но это восстание он представлял себе неясно, в виде какого-то заговора, при чем он даже предлагал коммунистам вступить в союз с шайкой смелых уголовных преступников и вместе с нею произвести разрушение всего буржуазного общества. Вместе с тем, он придавал своему учению религиозный характер и постоянно ссылался на Евангелие.

Будущее социалистическое общество он рисовал, как полное торжество человеческой личности, заимствовав при этом много из учения Фурье.

Вообще взгляды Вейтлинга представляли собою смесь из учений мирных французских утопистов, особенно Фурье и Кабэ, с революционно-заговорщицким социализмом Бланки. Но эта смесь была окрашена в более яркий пролетарский цвет, а с другой стороны, отражала отсталые экономические и политические условия тогдашней Германии.

Вейтлинг был не только социалистическим мыслителем и писателем-пропагандистом, но и неутомимым и талантливым организатором. Он был одним из основателей немецкого рабочего *«Союза справедливых»*, отделения которого возникли среди германских рабочих в Париже, Лондоне и Швейцарии. Из этого союза впоследствии возник тот самый *«Союз коммунистов»*, для которого Маркс и Энгельс написали в 1847 г. свой знаменитый *«Манифест коммунистической партии»*.

В начале 40-х годов Вейтлинг окончательно переселился в Швейцарию, где начал вести усиленную агитационную и организационную работу среди живших там немецких рабочих и среди самих швейцарцев. Он пользовался огромным влиянием и успехом среди немецких рабочих, которые помогали ему печатать его сочинения, отдавали на это дело свои последние гроши, тайно перевозили их через границу и тайно же распространяли в самодержавной Германии.

В Швейцарии Вейтлинг познакомился с молодым *Бакуниным*, будущим знаменитым анархистом, и на него тоже произвел сильное впечатление. Между тем, швейцарская полиция начала преследовать Вейтлинга. В 1843 г. его арестовали, судили и приговорили к 10 месяцам тюрьмы и высылке из Швейцарии. После отбытия наказания его выдали германским властям, которые после долгих мытарств отправили его на родину. Он уехал в Лондон и снова стал эмигрантом.

Успех первых сочинений Вейтлинга и преследования, которым он подвергался, вскружили ему голову. Он стал считать себя и все свои идеи непогрешимыми, стал смотреть на себя, как на пророка, как на нового Мессию, нового Христа, которого Бог послал для освобождения человечества. На этой почве у него произошел резкий разрыв с Марксом. Вначале Маркс с восторгом встретил первые сочинения Вейтлинга, называя их «смелым и блестящим выступлением немецких рабочих» и ставя их неизмеримо выше произведений тогдашних германских буржуазных ученых и философов.

Но когда Вейтлинг вообразил себя пророком, когда он стал, при встрече с Марксом в Брюсселе в 1846 г., упрекать его, что он слишком много занимается наукой и слишком возится с образованием рабочих, что излишняя образованность может помешать их революционным чувствам, Маркс в гневе

ударил кулаком по столу и закричал: «*Невежество еще никогда никому не помогало*». Маркс не остановился перед полным разрывом с Вейтлингом, как он сделал это по отношению к другому знаменитому рабочему-самоучке, французскому анархисту Прудону, которого он тоже на первых порах радостно приветствовал и которого жестоко раскритиковал, увидев, что тот проповедует вредную путаницу понятий.

Между тем Вейтлинг, видя, что его популярность в Германии падает, что он вытесняется новыми людьми, уехал в Америку. Во время революции 1848 г. он вернулся в Германию и стал издавать газету; но она скоро должна была закрыться из-за недостатка подписчиков: очевидно, при открытой политической деятельности Вейтлинг не пользовался успехом. Преследуемый полицией при начале реакции, он уехал из Берлина в Гамбург и стал переиздавать свои сочинения. Когда реакция окончательно восторжествовала в Германии, Вейтлинг снова эмигрировал в Америку и на этот раз навсегда.

Там он стал издавать газету, пытался основать коммунистическую колонию из немецких эмигрантов, но она распалась. Вейтлинг терпел большую нужду, пока не получил место скромного служащего. Между тем его болезненное самомнение все росло. Он писал слабые стихи, написал сочинение по астрономии, которое считал самым замечательным произведением человеческого гения, и удивлялся, что мир его не признает.

Умер он 25 января 1871 г.

Главная работа Вейтлинга была сделана в промежутке между концом 30-х и серединой 40-х годов.

Именно эта работа создала ему славу и поставила его в ряды самых выдающихся предшественников новейшего германского социализма. Его первые сочинения написаны увлекательным языком и содержат—при всех своих странностях и ошибках—много глубоких мыслей.

Вейтлингу принадлежит почетная роль,—*роль пионера*, прокладывателя путей в германском рабочем движении. Посеянные им семена коммунизма не пропали даром. Их плодами воспользовались в 60-х годах великий германский социалист *Лассаль* и возникавшая *германская социал-демократия*.

IX. КАРЛ МАРКС.

1818—1883.

Такие великие люди, как Маркс, накладывающие печать своей яркой личности на целые исторические эпохи, рождаются раз в столетия, и для их появления и развития нужно исключительно благоприятное совпадение целого ряда условий.

Карл Маркс родился 5-го мая 1818 г. в г. Трире, в Рейнской провинции. Эта область была в то время наиболее прогрессивной в Германии как в экономическом, так и в политическом отношении. В ней тогда уже существовала довольно развитая промышленность, она находилась под сильнейшим влиянием только-что закончившихся бурь великой революции во Франции, в ближайшем соседстве с которой находится Рейнская провинция, и, в сравнении с остальной Германией, где царила самая мрачная реакция, в ней существовали уже зачатки политической свободы.

Отец Маркса был крещеный еврей, юрист по профессии, очень образованный человек, воспитанный на французских философах XVIII столетия; мать его—родом из Голландии — была простое, но доброе и любящее существо. Ближайшими друзьями семьи Марксов была семья германского аристократа, потомка шотландских выходцев *фон-Вестфален*, глубокого знатока и любителя мировой поэзии.

И если отец внушил маленькому Карлу любовь к философии и к ясному, точному мышлению, свободному от предрассудков, то старик Вестфален передал ему ту любовь к европейской литературе, особенно к таким ее гигантам, как Шекспир, Данте и Сервантес, которую Маркс сохранил на всю свою жизнь.

В этой же семье родилась у Маркса та детская любовь к красавице Женни фон-Вестфален, из которой возник впоследствии редкий по взаимной любви, дружбе и гармонии брачный союз.

Таким образом детство и юность Маркса проходили в исключительно благоприятных условиях. Богато одаренный, с необычайной памятью, с юных лет знакомый с произведениями величайших мыслителей и поэтов, окруженный любовью родных и друзей, он был, как его в шутку называли, «дитя счастья»,

и его ожидала блестящая карьера на любом поприще деятельности.

Но он избрал тернистый путь борца за угнетенное человечество, путь учителя и апостола того нарождающегося класса—пролетариата, к которому лучшие люди того времени питали лишь жалость, но в котором Маркс прозрел грядущего освободителя всего человечества от всякого вида рабства и угнетения.

Прежде всего, поступив в берлинский университет, Маркс жадно набросился на науку и философию, бросил сразу всякие мечты о карьере и со всем пылом своей страстной и кипучей натуры стал вырабатывать себе цельное философское миросозерцание. Он сделался поклонником величайшего германского философа Гегеля и примкнул к кружку молодежи, известной под названием «левых гегелианцев», которые истолковывали учение Гегеля о вечном движении идей и о борьбе противоречий—*в революционном духе.*

При этом молодой студент Маркс уже проявил в теоретических занятиях ту огромную работоспособность, настойчивость и самозабвение, которые так удивляли впоследствии всех знавших его, но которые уже в эти ранние годы значительно подорвали его здоровье.

Вместе с философским и научным миросозерцанием, вместе с бунтом против всяких священных авторитетов складывались в эти студенческие годы Маркса и его политические взгляды. Воспитанный на идеях французской революции, всей душой ненавидя бездушный формализм и деспотизм реакционной прусской бюрократии, он с ранних лет стал республиканцем и сошелся со многими представителями тогдашней «молодой Германии», т.-е. оппозиционно настроенной буржуазной интеллигенции, которые впоследствии играли видную роль в революции 1848 г.

Поэтому, по окончании университета, Маркс отказался от профессорской карьеры,—карьеры «официального» ученого, ради которой ему пришлось бы поступиться своими убеждениями, и решил посвятить себя журналистике, газетной работе; только в этой области тогда и можно было проявлять какую-либо политическую деятельность.

В 1842 г., двадцати четырех лет от роду, Маркс сделался сотрудником, а вслед затем и редактором «Рейнской Газеты» и сразу обнаружил замечательные способности журналиста.

В это время Германия, как мы знаем, переживала свою предреволюционную эпоху. Политическая жизнь оживлялась. Буржуазия организовывалась в политические партии. Интеллигентная молодежь мечтала о восстаниях и заговорах. Рабочий класс глухо волновался, устраивая время - от - времени стихийные забастовки.

Но политическая жизнь в Германии, наиболее отсталой стране Запада, и даже в Рейнской провинции была лишь слабым отзвуком той политической волны, которая подымалась во Франции и Англии, где буржуазия была уже у власти или боролась за нее, и начинал свою освободительную борьбу пролетариат.

Маркс в это время был лишь на левом фланге буржуазной демократии. Над основным социальным вопросом нашего времени, над вопросом о бедности народных масс он еще мало задумывался. Но при редактировании «Рейнской Газеты», где он выступил, между прочим, с блестящей защитой свободы печати, крестьянские и рабочие волнения натолкнули его на изучение социальных и экономических вопросов. Маркс стал решительно на сторону угнетенных классов; хотя он не имел еще ясно выработанных взглядов в этой области, но он руководился чувством справедливости, которое очень сильно было в нем выражено.

Тон газеты становился все более резким, что, конечно, не нравилось властям предержащим, и газета была закрыта в 1843 г.

Тогда Маркс переехал в Париж с молодой женой и там окунулся в самую гущу политической жизни. Он сошелся с виднейшими французскими политическими деятелями, демократами и социалистами, принялся за серьезное изучение социалистической и экономической литературы. Он сотрудничал вместе с немецкими эмигрантами, в том числе со своим будущим другом Энгельсом и знаменитым поэтом Генрихом Гейне, с которым он близко сошелся, в немецких изданиях, выходивших в Париже. Но рука прусского правительства настигла их и там, и, по его настоянию, эти издания были закрыты,

а Маркс был выслан из Парижа и уехал в Брюссель, в Бельгию.

К этому времени Маркс был уже убежденным социалистом, и у него стали складываться очертания той стройной теории, которая впоследствии была названа *материалистическим пониманием истории* и согласно которой в основе развития всей общественной жизни лежит развитие *экономических* отношений и вызываемая ими борьба классов.

Эта теория стала в руках Маркса и его учеников могучим орудием для изучения прошлого и понимания настоящего; она явилась также превосходным средством борьбы со всякими утопистами, заговорщиками и вообще всеми теми политическими знахарями, которые надеялись *обмануть историю*, надеялись свои личные желания поставить выше неумолимых требований и условий жизни.

Основы учения Маркса сложились под тройным влиянием: *германской философии*, главным образом Гегеля, *французского социализма* и *английского рабочего движения*. Германская философия дала Марксу *метод* изучения общественных явлений; французский социализм дал глубокую критику капиталистического строя и идеал гармоничной общественной жизни. Наконец, массовое рабочее английское движение, добивавшееся конкретных реформ, указало Марксу и способы борьбы за социализм, указало ему будущего носителя социалистических идеалов.

В это же время, под влиянием изучения великих буржуазных экономистов Англии, Маркс во второй половине 40-х годов уже создал в общих чертах ту экономическую теорию, которая была потом с таким блеском развита в трех томах его знаменитого «Капитала».

Все эти мысли излагались Марксом в этот период его жизни в ряде брошюр, статей и лекций, которые он читал в немецком рабочем союзе в Брюсселе.

Из этих работ особенно замечательны: «*Нищета философии*»—ответ на «Философию нищеты» Прудона, «*Наемный труд и капитал*» и, наконец, «*Манифест коммунистической партии*», где в ясных, точных и замечательных по своей силе и яркости выражениях Маркс и Энгельс определяют роль классов в современном обществе и великие задачи пролетариата,

а также дают критику всех видов реакционно-мещанского и утопического социализма.

Этот «Манифест», который стал впоследствии евангелием всего борющегося международного пролетариата и который оканчивается знаменитым призывом «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — был в то же время результатом *первой* попытки международного объединения передовых, сознательных рабочих под знаменем социализма.

Он принят был зимою 1847 г. на втором съезде «Союза коммунистов», основанного жившими в Лондоне рабочими-эмигрантами из Германии и других стран.

Манифест был напечатан в январе 1848 года, а месяц спустя вспыхнула во Франции революция и живительной бурей пронеслась потом по всей Европе.

В конце февраля Маркс уже был в Париже, где его с радостью и почетом встретили друзья, а когда революция разразилась и в Германии, Маркс принял в ней самое деятельное участие, став во главе «Новой Рейнской Газеты», отстаивая интересы демократии и пролетариата.

Наступила контр-революция; Маркса стали преследовать, привлекать к суду. А когда, после блестящей речи, присяжные его оправдали, его просто выслали из Германии, и он снова уехал в Париж, откуда реакционное республиканское правительство тоже заставило его уехать.

Маркс с семьей перебрался в Лондон (в 1849 г.) и остался там навсегда.

В это время в Лондоне скопилось много международных изгнанников, убегавших от преследований общеевропейской реакции. В душной эмигрантской атмосфере, среди раздутых самолюбий заговорщиков и мечтателей, а то и просто авантюристов, носившихся с планами новых восстаний и заговоров, Марксу пришлось пережить много горечи.

Ибо, если во время революции 1848-1849 гг. и ближайшего года после нее Маркс сам верил еще в то, что буржуазная революция в Европе *непосредственно* перейдет в революцию пролетарскую, то с начала 50-х годов он уже видел ясно, что революционный период кончился, что наступает долгий период мирного развития капитализма и собирания сил пролетариатом для новой борьбы.

Маркс предостерегал поэтому от легкомысленных и бесплодных авантюр, которые должны дорого стоить рабочему классу; а его называли *«трусом»* и *«изменником делу революции»*.

Зато, когда реакция восторжествовала окончательно и явно для всех, когда среди бывших революционеров началось ренегатство, когда даже такие люди, как знаменитый русский писатель Герцен, потеряли веру и в революцию, и в европейский социализм, и в силы европейской демократии, Маркс не упал духом. Вооруженный своей исторической и экономической теорией, он в своих статьях о революции во Франции и Германии, в своей гениальной книге «18-е брюмера Луи Бонапарта» дал блестящий анализ революции и выяснил причины ее крушения. В частности, он доказал, что бонапартизм во Франции—торжество грубой силы и солдатского каблука—мог победить лишь потому, что был поддержан крестьянством, уставшим от революции и жаждавшим «порядка».

Но Маркс не падал духом, ибо он знал, что открытые им законы капиталистического развития неизбежно приведут к новому общественному подъему, новому, и на этот раз длительному, выступлению международного пролетариата.

Периодом реакции и общественного затишья Маркс воспользовался, чтобы заняться вплотную тем трудом, которому он посвятил половину своей жизни: подготовке своего исследования об экономических законах капиталистического общества.

Это был поистине гигантский труд, ибо Маркс изучал для него все отрасли общественной науки, изучал основательно, по первоисточникам, а буржуазную политическую экономию и явления экономической жизни исследовал с небывалой еще полнотой и глубиной. До какой степени Маркса не останавливали в этой работе никакие трудности, видно, между прочим, из того, что, когда ему при изучении земельной ренты понадобились работы русских земских статистиков, он в короткое время овладел необычайно трудным для европейцев русским языком и овладел так хорошо, что свободно читал русских поэтов.

Но, несмотря на всю свойственную Марксу трудоспособность и настойчивость, труд подвигался медленно, ибо условия,

в которых пришлось жить Марксу в Лондоне, были крайне тяжелы и мучительны. Он и его семья терпели целыми годами ужасную нужду, нередко прямо голод.

Вид страдающей семьи, болезни и смерть детей отравляли покой Маркса. А его собственные болезни, вызывавшиеся переутомлением, надолго отрывали его от работы и еще более расстраивали экономическое положение семьи. Если бы не маленькие наследства, полученные в разное время женой Маркса и им самим, и не помощь друзей, особенно Энгельса, то главная работа Маркса так и не увидела бы света. Ибо те замечательные статьи-корреспонденции, которые он ради заработка посылал в американские журналы, очень плохо оплачивались, а с начала 60-х годов, когда в Америке разразилась война Северных и Южных штатов, и этот ничтожный, но постоянный источник доходов прекратился вовсе.

В 1859 г. появилась «*Критика политической экономии*» Маркса, в 1867 г. 1-й том «*Капитала*». Следующие томы Маркс, занятый снова лихорадочной общественной деятельностью и все более мучимый болезнями, не успел сам подготовить к печати, и их обработал из его черновых тетрадей и издал сперва Энгельс, а после его смерти—Каутский.

Между тем приближался предсказанный Марксом новый подъем общественной жизни и пролетарского движения. Во Франции, изнывавшей под пятой Наполеона III, опять зашевелились рабочие. В Италии началась война за освобождение от австрийского владычества. В Германии появился Лассаль, поставивший своей задачей вырвать немецких рабочих из-под влияния прогрессивной буржуазии, — которая снова начала борьбу с реакционным правительством,—и создать из них самостоятельную классовую партию. В Англии рабочие, оправившиеся после поражения чартизма, успели организовать могущественные профессиональные союзы, тред-юнионы. Наконец, польское восстание, разразившиеся в 1862 г., еще более сгустило революционную атмосферу в Европе.

Лондон, где жил все эти годы Маркс, был центром всей международной политики и главной биржей всего мирового капитализма. Это давало Марксу чрезвычайно *удобный наблюдательный пункт*, раскрывало перед ним все тайные пружины внешней и внутренней политики буржуазного общества.

В то же время Англия была самой свободной страной в Европе, и Лондон привлекал к себе политических изгнанников и эмигрантов всех стран.

Поэтому Лондон был тем местом, где естественнее всего должна была зародиться мысль о международном объединении рабочих.

В 1864 г. на митинге протеста против усмирения польского восстания,—на митинге, где были представлены рабочие многих государств, основано было «Международное товарищество рабочих», так называемый Первый Интернационал. Маркс был выбран в Генеральный совет Общества и сразу начал играть в нем руководящую роль. При этом, как и в 1847-1848 гг., ему пришлось бороться в этом обществе с мелко-буржуазными, с одной стороны — оппортунистическими, с другой — заговорщицкими и анархическими, элементами. В составленных им воззваниях и резолюциях проводилась настойчиво та мысль, что рабочий класс должен организоваться в самостоятельную партию для борьбы за свое политическое и экономическое освобождение, за замену капиталистического общества обществом социалистическим. При этом для Маркса, как он сам выражался, «каждый шаг действительного рабочего движения был важнее дюжины программ», придуманных досужими фантазерами, прожектерами и сектантами.

Работа, проделанная Марксом для Интернационала, была колоссальна. Он не любил выдвигать себя на первый план, вопросы мелкого самолюбия, столь свойственного многим руководителям общественных движений, были ему совершенно чужды. Маркс предпочитал оставаться в тени, но быть зато *действительным руководителем, душой* всего Интернационала. Он был лишь на одном из его съездов. Но, в качестве секретаря Генерального совета Интернационала, Маркс был автором всех его воззваний и манифестов, подготовлял резолюции всех его съездов; вел громадную переписку с его отделами, или секциями, всем давал советы и указания.

И эта роль общепризнанного учителя и руководителя социалистического рабочего движения осталась за Марксом и тогда, когда распался Первый Интернационал, рамки которого оказались слишком узкими для быстро развившегося движения пролетариата разных стран.

После кровавого подавления Парижской Коммуны в 1871 г., Маркс от имени Интернационала обратился с пламенным воззванием ко всему цивилизованному миру («Гражданская война во Франции») и в этом воззвании указал на благородные цели и геройское поведение коммунаров и заклеймил вечным позором их усмирителей.

После распада Интернационала Маркс прожил еще 10 лет. Работая над следующими томами своего «Капитала», которых он так и не успел окончательно обработать, Маркс в то же время поддерживал переписку и личное общение с выдающимися рабочими вождями и социалистами всего мира, которые нередко приезжали в далекий Лондон, чтобы лично увидеть знаменитого «папу социализма».

Марксу довелось еще увидеть новое оживление среди французских рабочих, и он участвовал в выработке программы французской социалистической партии. Он видел быстрый рост германской социал-демократии и объединение лассальянцев со сторонниками Бебеля и Либкнехта. При нем началось революционное движение в России, за которым он следил с огромным интересом и сочувствием, и которое завершилось тогда убийством Александра II-го народовольцами.

Между тем многочисленные старые болезни и упорная работа делали свое дело и разрушали могучий когда-то организм Маркса. Вскоре после смерти нежно любимой жены 18-го марта 1883 г., Маркса не стало.

Он умер, сидя за своим рабочим столом.

«Человечество,—писал на другой день после его смерти Энгельс,—сделалось ниже на целую голову, притом на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало за последнее время».

Как у всякого страстного и энергичного борца за свои убеждения, у Маркса было множество самых ожесточенных врагов, и не было той клеветы и нелепости, которых бы про него не распространяли как классовые и политические противники, так и всевозможные ничтожества и мелкие самолюбия в собственном лагере. И лишь после его смерти, когда появились воспоминания о нем его друзей и опубликованы были его письма, обнаружилось, что у сурового борца, беспощад-

ного к врагам рабочего класса, равно как к его ложным или глупым друзьям,—было мягкое и нежное сердце.

В кругу близких друзей он был весел и прост, как ребенок. Либкнехт рассказывает, что уже в весьма зрелом возрасте Маркс в веселой компании способен был на чисто мальчишеские, студенческие выходки.

И лучше всего он чувствовал себя в кругу детей, не только своих, но и чужих. С оравой уличных лондонских ребятишек Маркс готов был играть и шалить, и они вели себя с ним, как с равным. А собственные дети распоряжались им прямо деспотически.

Отношения Маркса к жене представляют редкий пример уважения и любви, которые не уменьшались в течение всей их долгой супружеской жизни. Да и она, женщина огромной душевной красоты, пожертвовавшая своим аристократическим положением ради бездомного политического эмигранта и его дела, дела всемирного пролетариата, которому она была предана всей душой, скрасила жизнь Маркса и была радостью и утешением всех их друзей. Она никогда не роптала на тяжесть жизни, на бедность и нужду, уносившие в могилу детей, никогда не пыталась, ради жизненных удобств, отклонить мужа от его борьбы, дававшей ему одни лишения. И ее моральная поддержка помогла Марксу сохранить ту *душевную стойкость и чистоту, ту щепетильность в денежных отношениях*, которые так его отличали и были такой редкостью в среде опустившихся эмигрантов.

Много помогала Марксам в борьбе с нуждой и обрушивавшимися на них несчастьями жившая у них в качестве экономки Елена Демут, которая из прислуги стала другом, членом семьи, подчас даже неограниченным властителем, и о которой сам Маркс, а впоследствии его дети отзывались с любовью и благодарностью.

Совершенно исключительный пример бескорыстной, глубокой, ничем и никогда не нарушавшейся дружбы, завязавшейся едва ли не с первого знакомства и продолжавшейся *целых сорок лет*, представляют отношения Маркса к *Фридриху Энгельсу*.

При всем различии их характеров, индивидуальных особенностей, происхождения и воспитания, их объединяла не-

обычайная общность взглядов, поддерживавшаяся постоянным личным общением и перепиской. Роль Энгельса в их совместной работе огромна, и Маркс охотно признавал, чем он ему обязан. Но скромный Энгельс никогда не любил выдвигать себя на первый план, и лишь после смерти Маркса значение его в международном рабочем движении выдвинулось во весь рост, и он стал общепризнанным наследником Маркса, продолжателем их общей работы.

Маркс глубоко ценил и уважал плоды многовековой человеческой культуры, которую анархисты его времени, как и теперешние, презрительно отвергали, как «буржуазную». Маркс, который сам с необычайной яркостью и глубиною вскрыл темные стороны этой культуры, предлагал не разрушать ее, а, овладев нынешней культурой, превратить ее в социалистическую. «*Невежество еще никогда никому не помогало*», гневно восклицал он, как мы знаем, еще в 40-х гг. в споре с Вейтлингом.

Маркс верил в творческие способности и великое будущее рабочего класса, но *никогда не льстил рабочим*, не приспособлялся к их невежеству, предрассудкам и темным инстинктам.

Сам Маркс был превосходным *пропагандистом* и *учителем* и в своих лекциях в рабочем клубе в Брюсселе и потом в Лондоне умел ясно, понятно, терпеливо разъяснять самые трудные положения своей теории, не принижаясь никогда до упрощенной вульгарности.

Маркс любил и тонко ценил *искусство, особенно поэзию*. В молодости он сам писал стихи, но, убедившись, что ему не сравняться с великими классическими образцами, он мужественно отказался от соблазна стать посредственным поэтом. Но такой великий поэт, как Генрих Гейне, так высоко ставил художественное и критическое чутье Маркса, что во время их совместной жизни в Париже советовался с Марксом чуть ли не о каждом стихе своих произведений и не успокаивался до тех пор, пока Маркс не оставался вполне доволен и содержанием и формой.

Маркс изучил в подлиннике—он знал почти все европейские языки, а говорил и писал свободно на трех—всех великих поэтов древнего и нового мира, а многих из них, особен-

но Шекспира и Данте, знал наизусть и охотно цитировал.

А в редкие часы досуга Маркс любил иногда заниматься даже такой отвлеченной наукой, как высшая математика, и в оставшихся после его смерти черновых тетрадях математики специалисты нашли много ценного.

Маркс не чужд был, конечно, и человеческих слабостей и в борьбе со своими идейными противниками [1]) бывал нередко несправедлив и не стеснялся в средствах. Это обстоятельство охотно раздувается врагами Маркса и марксизма до настоящего времени. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает а кто умеет страстно любить, умеет столь же страстно—и потому *иногда пристрастно*—и ненавидеть.

Во всяком случае Маркс был и остается образцом гениальной и гармоничной человеческой личности, цельным соединением человека, мыслителя и борца, и пока существует борющийся пролетариат, имя Маркса будет для него всегда путеводной звездой.

X. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

1820—1895.

Имя Энгельса неразрывно связано с именем Маркса. Оба они творцы научного социализма, авторы знаменитого «Манифеста коммунистической партии». На долю Энгельса приходится значительная часть той огромной, пропагандистской, политической и организационной работы, которая совершена этими великими учителями и вождями пролетариата, И если все же имя Энгельса гораздо меньше, чем имя Маркса, известно широким кругам трудящихся, не только у нас в России, но и на Западе; если его считают в лучшем случае лишь другом и ближайшим помощником Маркса и не оценивают в достаточной мере его самостоятельного значения, то это объясняется, главным образом, изумительной скромностью самого Энгельса. Он всегда, и при жизни Маркса, и после его смерти, выдвигал его на первый план, а себя оставлял в тени. Между тем беспристрастные исследователи марксизма давно уже отдали долж-

[1]) Особенно с Бакуниным и бакунистами.

ную дань этому великому сотруднику Маркса, а недавний юбилей—столетие со дня рождения—сделал его, может быть, более популярным и в массах.

Энгельс родился 28 ноября 1820 года. Как и Маркс, он происходил из буржуазной среды: его отец был немецким фабрикантом, владевшим также хлопчато-бумажной фабрикой в английском городе Манчестере. И подобно Марксу же Энгельс стал революционером и социалистом не вследствие личных обид или тяжелых испытаний, а вследствие своего глубокого и ясного ума, видевшего все темные стороны капиталистического строя, и вследствие своей чуткой совести, живо откликавшейся на страдания угнетенных и эксплоатируемых масс. А торговые и промышленные дела его отца с детских лет познакомили его с миром капиталистической эксплоатации и ввели в самую гущу современных экономических отношений.

Еще на гимназической скамье Энгельс проникся революционными идеями, возненавидел тогдашнюю самодержавную Германию и стал знакомиться с представителями германской революционной интеллигенции. Вместе с тем он проявил огромную любознательность, отличавшую его потом всю жизнь, и жадно пополнял чтением свое образование. Даже отбывая в Берлине военную службу в качестве вольноопределяющегося, он и в прусской казарме нашел, чему поучиться, и приобрел те военные сведения, которые он применил впоследствии во время революции и которые он уже в зрелом возрасте настолько расширил, что сделался незаурядным знатоком военного дела, считая, что революционеру это знание необходимо.

Время, когда полный сил и веры в себя юноша Энгельс вступал в жизнь, было революционное. В Англии грозно проявляло себя первое могучее движение рабочего класса, известное под названием *чартизма*. Во Франции только что задавлено было революционное восстание Бланки, и одна за другой появлялись новые социалистические книги. В Германии выступала с резкой критикой всех старых понятий молодая буржуазная интеллигенция, образовывались тайные рабочие кружки, во главе с гениальным портновским подмастерьем Вейтлингом, и глухо волновались умиравшие от голода силез-

ские ткачи, которые в 1844 году открыто восстали против своих фабрикантов.

Еще не будучи знаком с Марксом, 22-летний Энгельс стал сотрудничать в журналах и сборниках, в которых писал Маркс, и в редактировавшейся им «Рейнской Газете». Он напечатал свой «Очерк политической экономии» тогда, когда Маркс, получивший литературно-философское образование, о политической экономии еще и понятия не имел. И в этом «Очерке» Энгельс предвосхитил многие будущие положения Марксовской экономической науки. Посланный отцом в Англию для торгово-промышленной «практики», Энгельс с жадностью набросился на изучение английского капитализма, рабочего движения и социальной литературы. Результатом этого изучения явилась по возвращении Энгельса на родину его знаменитая книга «Положение рабочего класса в Англии», в которой описывалась чудовищная эксплоатация английского пролетариата, его нищета и вырождение, как и начало его революционного движения, и делался первый призыв к социализму. Эту книгу можно с полным правом считать зародышем будущего марксистского коммунизма.

Проездом в Лондон, в 1842 году, Энгельс бегло познакомился с Марксом. Но при этой первой встрече они как будто не понравились друг другу. Зато по возвращении из Лондона, в 1844 году, когда Энгельс снова встретился с Марксом, бывшим уже в изгнании в Париже, они быстро оценили друг друга, сошлись и подружились. И с тех пор, вплоть до самой смерти Маркса, т.-е. целых 40 лет, длилась эта необычайная дружба. Маркс и Энгельс, даже находясь в разных городах, были всю жизнь в непрерывной переписке, делились всеми своими мыслями, давали друг другу для прочтения в рукописи все свои сочинения, обсуждали совместно все предпринимавшиеся ими политические кампании. А каждая встреча, каждое свидание были для них настоящим праздником, и они не могли наговориться досыта.

Во время революции 1848 года Энгельс был близким сотрудником издававшейся Марксом «Новой Рейнской Газеты». А в 1849 г., когда восторжествовала реакция, Энгельс принял непосредственное боевое участие в последнем революционном партизанском восстании южно-германских мелко-буржуазных

демократов и республиканцев. После подавления этого восстания он бежал в Швейцарию, а оттуда эмигрировал в Англию, где уже был в это время Маркс и куда стекались побежденные революционеры из всех стран Европы.

Энгельс поселился в Манчестере и стал управляющим на фабрике своего отца, что давало ему возможность не раз выручать в тяжелые, критические моменты бедствовавшего в Лондоне с семьей Маркса.

Так же, как и Маркс, Энгельс использовал годы европейской реакции для изучения всех областей науки и сделался одним из наиболее разносторонне образованных людей в Европе. Уже в старости, ликвидировав фабрику и переехав в Лондон, он употребил сравнительно большой досуг на основательное изучение естественных наук, с которыми Маркс был менее знаком. Теперь Маркс и Энгельс поменялись ролями. Если Маркс начал свою деятельность, как философ, а Энгельс, как экономист, то теперь Энгельс взял на себя обоснование общефилософских положений марксизма, главным образом, исторического материализма, тогда как Маркс в области теории посвятил себя главному труду своей жизни—отысканию *экономических* законов капиталистического общества. Результатом этой работы явился «Капитал» Маркса и такие труды Энгельса, как брошюра о немецком философе-материалисте Фейербахе, как книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства», наконец, главное сочинение Энгельса, так называемый «Антидюринг», где он, резко критикуя путаного и реакционного немецкого социалиста Дюринга, изложил всю теорию революционного марксизма.

Кроме этих важнейших сочинений, Энгельс написал множество брошюр и статей, с изложением марксистских взглядов на те или иные вопросы или с критикой анархистов и мелкобуржуазных социалистов.

Но этим далеко не ограничилась деятельность Энгельса. Вместе с Марксом он был душой и руководителем I Интернационала, вместе с Марксом он был учителем и советчиком возрождавшегося после реакции рабочего движения. А по смерти Маркса Энгельс еще целых двенадцать лет был общепризнанным главой всего мирового марксизма, к голосу которого прислушивались вожди всех социалистических партий, как к го-

лосу самого Маркса. Энгельс имел счастье быть свидетелем того, как осуществляется дело всей его жизни, как мощно развивается социалистическое движение во всех концах земного шара. Он приветствовал зарождение и первые успехи *русского* марксизма. Он предвидел и предсказывал революцию в России, так же как и мировую социальную революцию. И он умер весною 1895 года, за год до той знаменитой забастовки петербургских ткачей и прядильщиков, с которой началась новая полоса русской и всемирной истории.

Пропагандируя идеи марксизма, которые были и его собственными идеями, руководя рабочим движением разных стран, Энгельс одновременно посвятил последние годы своей жизни окончанию великого труда Маркса. Рукописи Маркса, доступные одному лишь Энгельсу, мог разобрать и обработать только он один, так близко знавший трудный, неразборчивый почерк Маркса, и весь ход его мыслей, и все сокровенные стороны его экономической системы. На этот огромный и кропотливый труд Энгельс затратил 10 лет своей жизни. В 1885 году, спустя 2 года после смерти Маркса, вышел 2-й том «Капитала», в 1894 г. — третий. Только исполнив эту работу, только осуществив завещание Маркса, Энгельс мог умереть спокойно.

Энгельс уступал Марксу в силе и глубине мысли, в широте и основательности исторических и экономических познаний. Но он дополнял его во многих других отношениях, и они в общем составляли ту гармоничную, неразрывную пару, тот идеал дружбы и сотрудничества, который может быть широко осуществим лишь в предсказанном ими будущем коммунистическом обществе.

XI. ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ.

1825—1864.

Знаменитый германский социалист, ученый, агитатор и основатель германской социал-демократии, Ф. Лассаль был сын богатого еврейского купца. Одаренный блестящими способностями, кипучей энергией и несокрушимой волей и верой в свои силы, он мог бы себе сделать прекрасную «карьеру» на любом

поприще науки и государственной деятельности. Он был бы баловнем судьбы, одним из наиболее выдающихся представителей буржуазии. Но он предпочел выступить *против* этой буржуазии, предпочел путь борца за дело рабочего класса.

Еще совсем молоденьким юношей он ощутил в себе какие-то необыкновенные силы, проявлял редкую среди тогдашней германской и особенно еврейской буржуазии гордость и сознание собственного достоинства, понял, что ему не место среди «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови», что его ждет иное, высшее назначение. Во второй половине 1840-х годов он уже проникся ярко революционным настроением и стал склоняться к социализму. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса произвел на него глубокое впечатление. Вместе с тем он усиленно изучал философию *Гегеля*,—того самого германского философа, пред которым в молодости преклонялся и Маркс, а также юридические науки и историю. Философия Гегеля привлекала его, как и Маркса, своей революционной стороной, своим учением о непрерывном движении и борьбе, как основных законах мира и человеческого общества. И он еще студентом начал свою знаменитую философскую работу, законченную лишь десять лет спустя и посвященную древнему греческому мудрецу *Гераклиту*, который первый провозгласил закон вечного движения, изменения и борьбы.

Революция 1848 г. бросила Лассаля в водоворот политической борьбы. Он познакомился с Марксом и Энгельсом и окончательно стал коммунистом. Вместе с тем, рыцарски вступившись за одну женщину из высшего круга, графиню Гацфельд, оскорбляемую и разоряемую мужем, Лассаль со всем пылом борца ввязался в продолжительную борьбу со всем темным и гнилым миром германской аристократии, с гнусной бюрократией, подлыми и трусливыми судьями и т. д. В этой борьбе, которую он вел совершенно бескорыстно и которая стоила ему огромной траты сил, Лассаль сразу обнаружил и свои сильные и свои слабые стороны: всякая несправедливость выводила его из себя, и борьбе за нарушенные права отдельной женщины Лассаль посвятил, может быть, не меньше сил и нервов, чем борьбе общественной. При этом он слишком втянулся в так называемую светскую жизнь, слишком

полюбил ее соблазны, слишком дорожил мнением о себе того самого высшего общества, которое он так глубоко и так справедливо презирал.

Когда прусская реакция разогнала выбранную во время революции буржуазную палату депутатов, Лассаль обратился к народу с воззванием не платить налогов и поднять восстание. Его арестовали и привлекли к суду, где он проявил все свои блестящие способности агитатора и борца. Присяжные его оправдали, но полицейский суд приговорил его к 6 месяцам тюрьмы.

После 1849 г., с наступлением германской и общеевропейской реакции, Лассаль ушел в личную жизнь и весь отдался науке. Кроме своей философской работы, он написал огромное двухтомное юридическое сочинение: «*Система приобретенных прав*», где доказывал право революции творить новую жизнь и создавать новые законы. Написал он также драму из времен германской реформации. Все это время Лассаль поддерживал переписку с Марксом.

Но настоящая его деятельность, которая сделала его знаменитым, которая доставила ему любовь германского пролетариата, началась лишь с 60-х годов, с пробуждением общественной жизни. На первых порах Лассаль вмешался в борьбу либеральной и прогрессивной буржуазии с полусамодержавным дворянским правительством Бисмарка. Он толкал буржуазию перейти от робкой словесной оппозиции к смелым и решительным действиям. Он читал на буржуазных собраниях и издал свою замечательную речь «*О сущности конституции*», где доказывал, что народные права опираются не на бумажные обещания королей, а на действительную силу, и звал буржуазию не бояться народных масс. Но германская буржуазия, как впоследствии и русская, показала свою истинную природу, и Лассаль заклеймил ее презрением.

Что же касается германских рабочих, то они еще были очень отсталы, и классовое сознание в них еще не пробуждалось. Даже передовые и развитые из них еще находились под идейным влиянием прогрессивной буржуазии, которая устраивала среди рабочих кооперативы, кассы взаимопомощи и общества самообразования и приучала их смотреть на нее, как на союзника и друга.

Но небольшая часть рабочих, среди которых наиболее сознательными являлись бывшие ученики рабочего коммуниста *Вейтлинга,* стала понимать игру буржуазии и обратилась за советом и помощью к Лассалю. Тогда он со всем пылом и энергией своей страстной, боевой натуры бросился туда, где было его настоящее место, как борца за право и убежденного социалиста: на политическую агитацию среди рабочих и на организацию самостоятельной рабочей партии.

В течение двух лет он без отдыха говорил речи на рабочих собраниях, издавал их отдельными брошюрами, беспощадно бичевал и разоблачал либеральную буржуазию, ездил с агитационными поездками по всей Германии и занимался организацией «*Всеобщего германского рабочего союза*», председателем которого он был избран.

Лассаль учил рабочих, что все, что им дает и предлагает либеральная буржуазия, есть обман и не может избавить рабочих от их тяжелого и унизительного положения. Он доказывал, что рабочие имеют свои отдельные, самостоятельные интересы, противоположные интересам буржуазии; что если в свое время французская буржуазия, или «третье сословие» (после дворянства и духовенства), действительно, была прогрессивной, боролась за свободу и творила новую жизнь, то теперь выступает на сцену «четвертое сословие», т.-е. рабочий класс, и с этого момента начинается новый поворот в истории человечества. Поэтому Лассаль советовал германским рабочим создать собственную партию и добиваться всеобщего избирательного права, чтобы, попав в парламент, получить влияние на правительство. «Только таким путем,—говорил Лассаль,—рабочие получат единственное средство избавиться от угнетения и эксплоатации: этим средством явится *государственная помощь артельным рабочим мастерским и фабрикам,* которые понемногу вытеснят частных капиталистов-фабрикантов и сделают рабочих хозяевами орудий производства».

Хотя правительство Бисмарка было очень довольно, что агитация Лассаля ссорит прогрессивную буржуазию с рабочими и тем уменьшает ее силу и влияние и облегчает реакционную политику власти, все же оно начинало бояться этой агитации. На Лассаля посыпался ряд преследований: его брошюры конфисковали и запрещали, его самого арестовывали и непрерывно

таскали по судам. Но он и из всякого судебного разбирательства умел извлекать пользу в своей борьбе: его защитительные речи были грозными и ловкими агитационными ударами по всему существующему строю. Он их печатал отдельными изданиями, и они массами расходились среди рабочих.

Из его речей к рабочим самой замечательной является *«Программа работников»*, а из судебных—*«Наука и работники»* и *«Косвенные налоги»*. Кроме того, он написал агитационную экономическую книгу: *«Капитал и труд»*.

Но, несмотря на сверхчеловеческую энергию, проявленную Лассалем, число членов основанного им «Всеобщего союза» было очень невелико и увеличивалось крайне медленно. Кроме того, если в одних местах рабочие встречали Лассаля с энтузиазмом, то в других, где они все еще плелись в хвосте за прогрессивной буржуазией, ненавидевшей Лассаля и всячески клеветавшей на него, его встречали враждебно и на рабочих собраниях. Все это страшно волновало и огорчало Лассаля, но он не поддавался унынию и не отказывался от борьбы, хотя его уже мучила горловая чахотка, и силы его подходили к концу. Он бы, по всей вероятности, не долго мог выдержать этот образ жизни, особенно предстоявшее ему, на основании последнего судебного приговора, продолжительное тюремное заключение. Но трагическая случайность, связанная, впрочем, с характером личной жизни Лассаля, внезапно оборвала его короткую и бурную жизнь как раз тогда, когда сочувствие рабочих к его агитации начало, наконец, явно увеличиваться.

В разгар самой страстной агитации и политической борьбы Лассаль не покидал своих «светских» знакомств. Красивый и обаятельный, с мужественной фигурой и могучим голосом, которым он мог владеть без перерыва несколько часов под-ряд, он пользовался большим успехом среди светских барынь, и это льстило его самолюбию.

В августе 1864 г., отдыхая и лечась в Швейцарии, он познакомился с некоей аристократической девицей, бездушной и пустой кокеткой, которая сознательно дурачила его, заставила влюбиться в себя, а потом спровоцировала на дуэль со своим бывшим женихом, надутым чванством венгерским офицером. И вот от руки этого жалкого представителя отживающего об-

щества, на почве мещанской любовной истории пал один из величайших вождей и идеологов освободительной борьбы пролетариата.

Во взглядах и деятельности Лассаля было много ошибочного, почему Маркс, признававший огромное значение начатого им дела организации германского пролетариата, тем не менее отказывался стать сотрудником в его борьбе и резко критиковал впоследствии и его, и его сторонников. Лассаль преувеличивал значение всеобщего избирательного права для рабочих и слишком верил в возможность мирного и постепенного перехода к социализму. В то же время он почти не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата, считая, что при капиталистическом строе рабочие не смогут даже отчасти улучшить свое положение. В области общей теории он, будучи в значительной мере учеником Маркса, так до конца и не понял марксовского материализма и оставался идеалистом, т.-е. верил в самостоятельное значение *идей*, как право, справедливость и т. п. Наконец, в своей борьбе с прогрессистами он иногда прибегал к нетактичным приемам, вроде жалобы министру Бисмарку на произвол либерального городского головы. А страстное желание скорее добиться всеобщего избирательного права заставило его даже вступить в переговоры с Бисмарком.

Все это при жизни Лассаля отталкивало от него многих рабочих, а после его смерти содействовало образованию среди германских социалистов *двух* боровшихся между собою фракций: марксистской, во главе с Либкнехтом и Бебелем, и Лассалевской, во главе с Швейцером.

Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. А Лассаль в своей борьбе не жил, а буквально горел. При этом вся его деятельность руководилась лишь одним желанием: помочь германскому пролетариату стать на собственные ноги и освободиться от всякого гнета и всякой эксплоатации. И, действительно, из созданного им «Союза», как должны были признать даже его идейные противники, фактически выросла будущая могучая германская социал-демократия.

Поэтому, несмотря на все слабости и ошибки Лассаля, у всякого сознательного германского рабочего сохранялась в течение долгих десятилетий благодарная память о нем, как о

любимом вожде, и портрет его украшал стены рабочих жилищ рядом с портретами Маркса, В. Либкнехта и Бебеля.

XII. АВГУСТ БЕБЕЛЬ.

1840—1912.

В отличие от двух других знаменитых вождей германского пролетариата — Лассаля и Вильгельма Либкнехта — Август Бебель был сам плоть от плоти рабочего класса. Сын фельдфебеля прусской службы, рожденный в казарме, где отец его имел с семьей казенную комнату, маленький Бебель, очевидно, с самого раннего детства получил то отвращение к прусской солдатчине, которое он впоследствии, будучи уже всемирно известным оратором и политическим деятелем, выражал так ярко и сильно.

Наоборот, толки и рассказы о революционной буре 1848 г., которая разбудила столько смутных надежд и ожиданий в самых глубинах германского народа и особенно пролетариата, оставили неизгладимый след в детской душе будущего основателя и вождя германской социал-демократии, а та мрачная реакция, которая последовала за революцией, вызвала в нем на всю жизнь острую ненависть к царству насильников и угнетателей.

Отданный учиться токарному ремеслу, он через несколько лет сделался подмастерьем, и это ремесло давало ему средства к жизни еще много лет после того, как он стал любимцем немецких рабочих и опасным врагом германского правительства. С ранних лет учась ремеслу, добывая себе физическим трудом средства к жизни или даже отдаваясь политической деятельности, Бебель все свои досуги с жадностью отдавал самообразованию, что, при его замечательных способностях, давалось ему легко и помогло ему впоследствии стать одним из образованнейших общественных деятелей Германии.

Политические взгляды Бебеля определились не сразу. Сперва он попал под влияние либеральной буржуазной интеллигенции, которая в это время (в начале 1860-х годов) вела довольно энергичную борьбу с полусамодержавным прусским правительством Бисмарка и, нуждаясь в поддержке народных

масс, старалась привлечь на свою сторону рабочих. Она устраивала среди них общества самообразования и кассы взаимопомощи; Бебель сделался одним из виднейших и деятельнейших членов этих обществ и сочувствовал политической борьбе буржуазной интеллигенции против Бисмарка.

Как раз в это время в решительный поход *против* либеральной буржуазии выступил Лассаль, призывая германских рабочих сплотиться в самостоятельную партию с лозунгом всеобщего избирательного права. Деятельность Лассаля отталкивала Бебеля: он видел в ней помеху дальнейшей борьбе за политическую свободу, считал, что она лишь раскалывает все силы, враждебные реакции.

Но вскоре классовое чутье пролетария взяло у Бебеля верх над сочувствием либеральной интеллигенции. Он познакомился с Вильгельмом Либкнехтом, пламенным революционером-марксистом, лично знавшим Маркса, и через него приобщился к научному социализму Маркса и Энгельса.

С тех пор Бебель понемногу сделался, на-ряду со своей практической деятельностью, также одним из виднейших теоретиков и пропагандистов марксизма в Германии. Он был в постоянной переписке с Марксом и Энгельсом, несколько раз ездил к ним в Лондон и всегда радовал их тем правильным пониманием революционного марксизма, которое он проявлял в своей деятельности, а также той честностью, добросовестностью и отсутствием мелочного самолюбия, которые помогали ему быстро сознавать сделанные ошибки.

В 1863 г., под руководством и по инициативе Бебеля, произошел съезд германских рабочих обществ самообразования, который послужил основой будущей марксистской, социал-демократической партии Германии. Эта партия существовала отдельно от другой, созданной Лассалем и его учеником и преемником Швейцером. Обе партии вели ожесточенную борьбу между собою и объединились лишь в 1875 г.

В 1868 г. Бебель был выбран в германский парламент и с тех пор неизменно до самой смерти оставался любимым рабочим депутатом. Он проявил в качестве парламентского оратора такой могучий талант красноречия (несмотря на свой маленький рост и худенькое, тщедушное тело), такое уменье разбираться в самых сложных политических вопросах, такую

беспощадную язвительность и страстную ненависть ко всем насильникам свободы и врагам рабочего класса, наконец, такую глубокую веру в свой социалистический идеал, что сделался, по общему признанию врагов, одним из самых замечательных ораторов всего мира. С начала 90-х годов, когда его талант развернулся с особой силой, каждая речь Бебеля была целым политическим событием, к которому с одинаково напряженным вниманием прислушивались и сторонники и враги социализма.

Когда вспыхнула в 1870 г. франко-прусская война, Бебель и Либкнехт были единственными депутатами, которые голосовали против военных ассигновок и потом протестовали против насильственного присоединения к Германии французских провинций Эльзаса и Лотарингии. За это их предали суду по обвинению в «государственной измене» и приговорили к 2 годам крепости. И не раз еще после того Бебель подвергался тюремному заключению за разные политические «преступления». Но после каждого ареста он выходил еще более убежденным, более закаленным борцом за дело рабочего класса и социализма.

Когда в 1878 г. германское правительство, испугавшись роста социализма среди рабочих, объявило всю социалистическую партию вне закона и начало ее преследовать, Бебель проявил качества первоклассного организатора. Под видом «торговых» поездок по делам своей токарной мастерской, он объездил всю Германию и везде агитировал, ободрял падавших духом, строил нелегальную организацию. И, несмотря на все преследования, эта организация, отчасти благодаря неутомимой деятельности Бебеля, так непрерывно росла, что правительство, спустя 13 лет, в 1891 г. вынуждено было отменить исключительный закон против социалистов и вернуть им общие политические права.

С тех пор Бебель и стал той знаменитостью, не только германской, но и общеевропейской, какою он затем оставался до самой смерти. Находясь на левом крыле германской социал-демократии, он умел в то же время жить и чувствовать вместе с рабочими массами, и это давало ему такую силу, что во внутрипартийных спорах побеждала обыкновенно та сторона, на которой был Бебель. А с середины 90-х годов он стал одним из са-

мых крупных и влиятельных деятелей также и на международных социалистических конгрессах.

Когда его маленькая, подвижная фигура, с седыми волосами и подстриженной седой бородкой, появлялась на трибуне, наступала мгновенная тишина и напряженное внимание. А на рабочих собраниях и социалистических конгрессах он был окружен атмосферой любви, и его появление вызывало каждый раз бурную овацию.

Последние десятилетия Бебель был бессменным председателем центрального комитета своей партии. На-ряду с неустанной парламентской, агитационной и организаторской работой Бебель много писал и оставил ряд сочинений, по которым еще долго будет учиться рабочий класс. Среди них самыми замечательными являются его книга «Женщина и социализм» и воспоминания, озаглавленные «Из моей жизни».

Бебель умер почти накануне мировой войны, вызванной развитием империализма и милитаризма, против которых он страстно боролся всю свою жизнь, и за несколько лет до начала той революционной эпохи, которую он так часто предсказывал.

XIII. ЖАН ЖОРЕС.

1859—1914.

Убитый накануне мировой войны, великий французский социалист и любимый вождь французских рабочих—Жорес—был поистине выдающимся человеком: глубокий философ, превосходный историк, блестящий политический деятель и публицист, могучий оратор, может быть, лучший в Европе,—он все свои громадные духовные силы, всю мощь своего ума и таланта, всю свою энергию отдал без остатка борьбе за социализм, за освобождение человечества от всех бедствий буржуазной «цивилизации».

Происходя из интеллигентной буржуазной семьи, которая уже давала Франции крупных государственных деятелей (его дядя был известный адмирал), Жорес в молодости был далек от рабочего класса и его идеалов, хотя теоретически и заинтересовался социализмом еще на студенческой скамье: его пер-

вая ученая работа (по тогдашнему обыкновению, на латинском языке) посвящена «зародышам германского социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля». Получив философское образование (он был несколько лет даже профессором философии в Тулузе), он остался идеалистом в философии до конца жизни, т.-е. считал, что история человечества движется не столько материальными интересами борющихся классов, сколько великими идеями правды, справедливости, добра, красоты и т. п. Впрочем, под влиянием общественной борьбы и разочарования в способности буржуазии воплощать эти идеи в жизни, Жорес в последние годы сделал большие уступки марксистскому мировоззрению.

В 1893 г. Жорес был избран в палату депутатов, и с этого момента началась его кипучая политическая деятельность, —деятельность парламентского оратора и стратега, народного трибуна и газетного публициста, которая захватила его целиком, хотя, благодаря его изумительной работоспособности, не мешала Жоресу заниматься наукой, особенно в области истории. В палату он уже прошел, как социалист. Но этот социализм долго еще был расплывчатым и неопределенным. Долго еще Жорес верил в возможность для пролетариата сотрудничать с лучшими элементами буржуазии, несмотря на жестокие разочарования, несмотря на явную измену и предательство таких бывших социалистов, как Бриан, Мильеран и Вивиани, которые начали с этого «сотрудничества», а кончили тем, что стали свирепыми врагами рабочего класса,—несмотря на все это, Жорес до конца жизни сохранил еще некоторые идеалистические иллюзии (самообман) на этот счет.

Но в то же время его ясный и чуткий политический ум, его глубокая ненависть ко всякой неправде и несправедливости помогали ему нередко понимать задачи пролетариата шире и правильнее, чем это делали некоторые французские марксисты. Так, во время знаменитого дела *Дрейфуса*, в 1898—1902 г.г., когда гнусные реакционеры и черносотенцы, стоявшие во главе республиканского правительства, чтобы отвлечь народ от своих темных делишек, обвинили заведомо ложно невинного офицера еврея Дрейфуса в государственной измене и подняли большой шум по этому поводу, некоторые марксисты говорили, что пролетариату незачем вмешиваться в эти «семейные дела» бур-

жуазии. Наоборот, Жорес правильно указывал, что у буржуазии нет таких «семейных дел», которые не интересовали бы рабочих, что они должны заступаться за невинно осужденных даже из лагеря буржуазии и тем лучше всего смогут разоблачить все отвратительные стороны буржуазного режима.

Французские социалисты дробились на несколько враждовавших между собою фракций, и Жорес был во главе более умеренных социалистов. Но после объединения всех французских социалистов в одну партию (в 1905 г.), после того, как международный социалистический конгресс в Амстердаме (в 1904 г.) осудил участие социалистов в буржуазном министерстве, Жорес значительно полевел, стал на более пролетарскую точку зрения и сделался общепризнанным вождем всей социалистической партии Франции.

В качестве главного редактора центрального органа партии, где он ежедневно помещал передовицы, в качестве руководителя парламентской фракции, в качестве любимого народного оратора, привлекавшего на собрания многотысячные толпы рабочих, которых он потрясал своим бурным и пламенным красноречием, Жорес был последние десять лет своей жизни великим вождем народным в полном смысле этого слова.

А его глубокое чувство справедливости, его безупречная личная жизнь сделали его совестью французского народа, и даже буржуазные депутаты, когда нужно было раскрыть темные дела, хищения, взяточничество и подлоги среди буржуазной же бюрократии, сами выбирали социалиста Жореса председателем парламентских следственных комиссий.

Одновременно с политической деятельностью Жорес немногие свободные минуты уделял научной работе. Под его редакцией вышла многотомная «Социалистическая история Франции», в которой лучшие томы о великой французской революции написаны им самим и представляют большую научную ценность. А за несколько лет до своей смерти Жорес написал интересную книгу: «Новая армия», где доказывал все преимущества милиционной системы. Ему же принадлежат превосходные речи и статьи об аграрном вопросе, о привлечении крестьян к социализму и т. д.

При всем объеме своей умственной деятельности, Жорес был жизнерадостным человеком, практиком-борцом. Его плот-

ную, коренастую фигуру можно было видеть не только в парламенте, рабочем собрании или редакторском кабинете, но и на улице, во главе рабочей демонстрации, где ему иной раз доставалось от разъяренных полицейских, но где и он, в свою очередь, засучив рукава, не оставался пред ними в долгу.

Последние годы своей жизни проницательный политик Жорес один из первых понял и почувствовал приближение мировой катастрофы. Против грядущей общеевропейской бойни он поднял крик тревоги и целых пять лет и в парламенте, и на собраниях, и в своей газете, и на международных конгрессах, где он был всеобщим любимцем, неустанно призывал народы помешать своим правительствам начать преступную войну.

Но не в силах отдельных людей, даже с могучим талантом Жореса, было остановить тот страшный всемирный кризис и крах капитализма, который принял форму мировой войны. Когда она надвинулась, летом 1914 г., Жорес употребил последние отчаянные усилия, чтобы отвратить ее. Он был на последнем совещании исполнительного бюро II Интернационала, где умолял германских социалистов помешать войне. Он заклинал буржуазное правительство Франции не делать последнего и рокового шага и еще раз, благодаря своему идеализму, поверил искренности мирных стремлений буржуазных империалистов.

Но он не дожил до всех ужасов войны и избежал того «священного» военного союза с буржуазией, той патриотической лихорадки, которой скомпрометировали себя все вожди французских социалистов. Накануне объявления мобилизации Жореса сразила предательская пуля, пущенная из-за угла агентом буржуазных националистов в апостола всеобщего мира.

И как апостол мира, как пламенный противник войны, как борец за общечеловеческие идеалы братства, и останется Жорес в памяти французского и международного пролетариата.

XIV. КАРЛ КАУТСКИЙ.

И Бебель и Жорес были, главным образом, великими агитаторами, трибунами рабочего класса и в то же время величайшими тактиками, *политическими* вожцями его в эпоху II Интернационала. Самым выдающимся *теоретиком* этого

II Интернационала, главным идейным вождем и руководителем всего его марксистского крыла был живущий доныне германский социал-демократ Каутский, и на его судьбе, на его *идейной биографии* лучше всего проследить эволюцию самого II Интернационала от правоверного («ортодоксального»), непримиримого, революционного марксизма в *теории*,—к явному оппортунизму и реформизму на *практике*.

Каутский—чех, по происхождению и бывший австрийский подданный. Он был уже зрелым человеком и широко образованным интеллигентом, когда—в конце 70-х и начале 80-х годов, в эпоху свирепого гонения против германских социалистов, вынужденных уйти в подполье,—он сделался марксистом. С тех пор он все свои силы и свой недюжинный талант отдал на изучение, самостоятельную дальнейшую разработку и пропаганду в рядах сознательных рабочих идей революционного марксизма. Он сделался настоящим учителем социал-демократии, прежде всего, конечно, в самой Германии, где в конце XIX и и начале XX в.в. он был несомненно самым выдающимся теоретиком партии, но затем и в целом ряде других стран, где преобладало марксистское течение в социализме, и особенно в России, где на книгах, статьях и брошюрах Каутского учился целый ряд поколений молодых революционных с.-д., не меньше, чем на сочинениях Плеханова, а впоследствии и Ленина.

Энгельс перед смертью признал Каутского наиболее достойным кандидатом на пост душеприказчика идейного наследства Маркса и Энгельса, ему были переданы оставшиеся еще черновые рукописи Маркса, и было поручено редактировать и издать так называемый 4-й том «Капитала», «Теории прибавочной ценности», что он и выполнил с успехом.

Основанный Каутским в середине 80-х г.г. научно-политический марксистский еженедельник «Neue Zeit» («Новое время») вскоре сделался и затем оставался в течение 90-х и начала 900-х г.г. *настольным* идейно-руководящим журналом для сознательных марксистов всего мира, и в нем, под редакцией Каутского, сотрудничали виднейшие социалисты того времени, освещая все трудные и спорные вопросы теории и практики международного социализма.

Наконец,—и это главное—Каутский написал ряд в высшей степени ценных и иногда даже блестящих книг, которые, несмотря

на происшедшую в нем самом перемену взглядов, долго еще будут оставаться неизбежной принадлежностью библиотеки каждого марксиста, каждого сознательного и революционного рабочего.

Еще в 1891 г. Каутский написал знаменитую «*Эрфуртскую программу*», теоретический комментарий к программе германской с.-д. партии, принятой на партийном съезде в Эрфурте, первом легальном съезде после 13 лет подпольного существования. Эта книга, излагающая в популярной форме основы революционного марксизма, целые десятилетия служила в пропаганде дополнением и развитием взглядов марксовского Коммунистического манифеста и играла среди с.-д. всех стран, особенно Германии и России, ту же роль, которую теперь среди коммунистов играет «Азбука коммунизма» Бухарина. Затем идет целый ряд важнейших исторических работ Каутского, в которых он с большим успехом применял метод исторического материализма. Таков написанный им целиком первый том «Предшественников новейшего социализма», прекрасное исследование эпохи реформации—«Томас Мор и его Утопия», «Происхождение христианства», «Противоречия классовых интересов в 1789 г.» и другие.

Но он не ограничивался одной областью истории и истории религии. Ему же принадлежит серьезная работа об аграрном вопросе, где он борется с мелко-буржуазными социалистами всех видов, ряд работ по национальному вопросу, а также очень ценная книга о нравственности («Этика и материалистическое понимание истории»), где, на-ряду с критикой других учений, дается впервые марксистское обоснование сущности и развития нравственности.

Но одной из важнейших заслуг Каутского является его десятилетняя борьба с идейным и практическим оппортунизмом в рядах социал-демократии,—тем самым оппортунизмом, жертвой которого постепенно и бессознательно для себя сделался он сам. Международный и, в частности, германский оппортунизм и реформизм стал явлением такой большой важности, что на нем, его сущности и происхождении, необходимо остановиться подробнее.

Германский оппортунизм отличается от других видов этого социализма (напр., от «реформизма» жоресистов) тем, что он вышел из рядов самих марксистов, из рядов старой, органи-

зованной, гордившейся своим славным прошлым социал-демократии, и что во главе его стоял *Эдуард Бернштейн*, бывший «левый» с.-д., бывший редактор нелегального центрального органа партии, выходившего в Цюрихе в эпоху исключительного закона против социалистов,—притом лично знавший Маркса и Энгельса и бывший их непосредственным учеником. Поэтому германский оппортунизм был по форме не прямым нападением на революционный марксизм, а попыткой «пересмотра», или «*ревизии*», учения Маркса (почему, на-ряду с «бернштейнианством», он получил еще особое название «*ревизионизма*»), с целью вытравить из марксизма его «устарелые», «бланкистские», т.-е. попросту революционные, стороны, составляющие его живую душу, и переделать Маркса на оппортунистический манер. Поэтому также германский ревизионизм претендовал на более глубокое теоретическое обоснование своих взглядов, чем другие европейские, не мудрствовавшие лукаво «умеренные», или, по теперешнему, «соглашательские» социалисты, и это теоретическое обоснование послужило, да отчасти служит и теперь, арсеналом аргументов против революционного марксизма.

Основные положения ревизионизма состояли в следующем. Предсказания Маркса о дальнейшем ходе капиталистического развития, со все бо̀льшей концентрацией капиталов в немногих руках, с усилением и обострением классовой борьбы,—эти предсказания не оправдались. Промышленные кризисы, с их десятилетними циклами, прекратились. Число мелких собственников не уменьшается, а растет, и, благодаря акционерным компаниям, они становятся участниками капиталистических предприятий и поэтому заинтересованы в сохранении капиталистического строя. Положение рабочих в общем не ухудшается, а улучшается, и они начинают завоевывать ряд позиций в парламентах, в самоуправлении, в экономической и культурной жизни. Поэтому нет никаких оснований ожидать той «социальной революции», того «крушения» или «катастрофы», которую предсказывал Маркс. Наоборот, пропасть между главными классами буржуазного общества все больше сглаживается, и борьба за социалистический идеал должна быть лишь мирной, идейной. Социализм может осуществиться не путем революции и диктатуры пролетариата, а путем медленного и постепенного «врастания» элементов нового, будущего общества в настоящее.

Впрочем самый социализм, может быть, и останется лишь недосягаемым идеалом, который в жизни никогда не воплотится. Для нас он важен только, как маяк, освещающий нам путь. Для нас, как гласит знаменитая фраза Бернштейна, «*движение—все, конечная цель—ничто*». Другими словами, важнее всего не грядущий туманный идеал, а конкретные реформы сегодняшнего дня.

С этой точки зрения нужно отказаться от теоретической основы марксизма—*исторического материализма*, так как, по мнению Бернштейна, деятельностью людей в новейшее время все более руководят не стихийные экономические силы, а сознание и идейные факторы; нужно отказаться также от непримиримой революционной тактики марксизма; нельзя рассматривать всю буржуазию, как врага; с наиболее передовой частью ее необходимы соглашения и совместная работа для осуществления демократических, экономических и культурных реформ.

Социально-исторические предпосылки ревизионизма и оппортунизма вообще состояли в следующем. Европа после Парижской Коммуны не переживала ни войн, ни революций. Рабочий класс в большинстве европейских государств завоевал всеобщее избирательное право, свободу слова, печати и организаций. А с середины 90-х г.г. европейская промышленность вступила в полосу подъема и процветания. Кроме того, в ряды социалистических партий или под их влияние вступили широкие народные массы, ждавшие от них конкретных улучшений своего положения. А успехи социализма, равно как политическое и идейное банкротство либеральной буржуазии, толкнули в сторону социалистов многочисленных «попутчиков» из мелкой буржуазии и интеллигенции, которые привили значительной части социалистов свою мелко-буржуазную психологию. Все это и создало особую идеологию в лице близоруких и «соглашательски» настроенных социалистов, которые вообразили, что эпоха революций миновала навсегда.

Дальнейшие события—вплоть до мировой войны, русской и германской революции—с очевидностью показали, кто был прав, ревизионисты или старый, революционный марксизм, выросший и закаленный в революционных бурях середины XIX в. То, что оппортунистам казалось мирным переходом от капитализма к социализму, было лишь новой, империалистической

фазой буржуазного общества. И если прежние периодические кризисы исчезли (сменившись продолжительными эпохами «депрессии», угнетенного состояния промышленности), так как европейский капитализм расширил свое влияние на весь земной шар, то это именно завоевание мира подготовляло новый, небывалый по своей остроте и ширине захвата кризис, который и разразился в форме мировой бойни и ее следствий—революции и нового экономического кризиса.

И вот Каутский в начале, с первого момента появления ревизионизма, т.-е. со второй половины 90-х г.г., выступил против него с целым рядом книг, брошюр и журнальных статей. Последовательно вышли в свет: большая книга против Бернштейна, до сих пор имеющая важное значение в деле пропаганды революционного марксизма, затем в начале 1900-х годов брошюры «Социальная революция», «На другой день после социальной революции» и, наконец, в 1909 г.—«Путь к власти».

Во всех этих работах Каутский идейно, теоретически стоял на почве непримиримой марксистской позиции, на почве революционной диктатуры пролетариата в лице его партии. Но последняя из упомянутых брошюр была и последним революционным произведением Каутского даже в теории.

Постепенно та самая эпоха империализма и мирного развития рабочего движения, которая породила реформизм и ревизионизм, которая отравила сознание широких рабочих масс, особенно более обеспеченных, рабочей аристократии и бюрократии,—повлияла и на самого Каутского, так же, как и на многих других марксистов: будучи революционерами в теории, они пугались решительных, революционных действий на практике. Уже в 1900 г., на Парижском конгрессе II Интернационала, когда обсуждался так называемый «вопрос о Мильеране», т.-е. о том, может ли социалист участвовать в буржуазном министерстве,—именно Каутский предложил компромиссную, половинчатую, как тогда говорили, «каучуковую» резолюцию, которая впоследствии во время мировой войны, послужила оправданием всем социалистам-соглашателям в их сотрудничестве с буржуазией.

Русская революция 1905 г. подействовала благотворно на Каутского, который как бы почувствовал приближение грозных бурь и неоднократно утверждал, что западно-европейский ка-

питализм вполне созрел для социалистической революции. Но это была последняя вспышка его революционного сознания. С упрочением реакции в России Каутский все более начинает отклоняться от революционной тактики и в самой Германии; после 1909 г. он переходит из левого крыла германской социал-демократии в центр и борется с Розой Люксембург, которая звала германских рабочих перейти от мирной, легальной, умеренной тактики к более решительным действиям.

Когда вспыхнула мировая война, которую соц.-демократы II Интернационала на конгрессах грозили не допустить или использовать ее для восстания пролетариата против собственной буржуазии, Каутский, хотя и не пошел с самыми правыми с.-д., так называемыми шейдемановцами (по имени их вождя, бывшего рабочего наборщика Шейдемана), но не решился примкнуть к левым—Карлу Либкнехту, Розе Люксембург и другим. Он проповедывал, что, раз война началась, то рабочие каждой страны должны добросовестно защищать свое отечество и что Интернационал—это орудие борьбы для мирного времени, а не для войны.

Наконец, после октябрьской революции в России и после германской революции Каутский фактически стал отказываться от революционных методов действий, от диктатуры революционной пролетарской власти, которой он противоставлял формальную демократию с всеобщим избирательным правом. Он стал сомневаться в том, в чем не сомневался десять лет перед тем, а именно, созрели ли условия для социалистической революции. Его колебания, сомнения и нерешительность лишили его влияния и авторитета даже в той партии «центра», партии «независимых» с.-д., одним из основателей которой он был. Он снова сблизился со своим старым противником Бернштейном и в настоящее время является одним из тех, кто проповедует объединение «центра» с правыми с.-д., независимых с шейдемановцами, $2^1/_2$-го Интернационала с возродившимся после войны Вторым.

XV. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

1828—1889.

Одно из величайших преступлений, каким запятнал себя царский режим, было совершено тотчас после отмены крепост-

ного права, в первые годы царствования Александра II, названного лакействующими буржуазными историками «царем освободителем»,—60 лет тому назад: 25-го июня (12-го по старому стилю) 1862 г. был арестован Николай Гаврилович Чернышевский, арестован с тем, чтоб духовно убить его, чтоб вычеркнуть навсегда из списка активных борцов за просвещение и освобождение народных масс. Кто такой был Чернышевский? Сын священника, родившийся в Саратове в 1828 г., он с детских лет проявлял необыкновенные способности. Окончив семинарию и потом Петербургский университет, он сделался величайшим русским ученым своего времени и первым вполне сознательным, глубоко убежденным русским социалистом. «Великий русский ученый и критик»,—так печатно назвал его Маркс, обыкновенно весьма скупой на похвалы. И, действительно, глубокий и остроумный философ-материалист, первоклассный историк и экономист, литературный критик, блестящий публицист, т.-е. писатель по злободневным политическим вопросам, а со времени ареста и романист, написавший в крепости знаменитый роман «Что делать»,—он во всех областях мысли не имел себе равных в тогдашней России и везде умел сказать свое собственное, оригинальное, умное и нужное слово. Он был настоящий революционер мысли, который подвергал меткой и уничтожающей критике как все старые понятия, так и новейшее пустословие либеральных говорунов. Поэтому его возненавидели не только правительственные реакционеры, но и все либералы, воспевавшие «эпоху великих реформ» Александра II. Зато он сделался любимым идейными вождем, сделался кумиром новой тогда общественной силы, демократического студенчества, этого разночинного интеллигентного пролетариата. А журнал «Современник», который он редактировал вместе с поэтом Некрасовым и в котором писал свои критические статьи его младший друг и единомышленник Добролюбов,—этот журнал сделался евангелием революционной молодежи. Чернышевский был убежден в неизбежности в России глубокой социальной революции; но он отличался от тогдашних молодых и горячих революционеров тем, что не верил в ее близость. Впрочем, когда в 1861 и 1862 г.г. начались массовые крестьянские восстания, Чернышевский тоже увлекся и написал революционную прокламацию «К барским крестьянам». Но она не была даже напечатана,

и ее никто не увидел, кроме провокатора, который и выдал Чернышевского. И ненавидевшее его правительство, боявшееся его революционного влияния на молодежь, воспользовалось первым доносом, чтоб избавиться от этого великана мысли. Хотя арестованный Чернышевский упорно отрицал свою вину, хотя никаких улик против него, кроме голословного доноса, не было, он все же, после двух лет крепости, был приговорен к 6 годам каторги. И после отбытия ее мстительное и трусливое правительство Александра II отправило его в дикий угол Якутской области, в Вилюйск, где этот «светоч науки опальной» должен был прозябать долгие мучительные годы, без возможности умственного труда, в полном одиночестве, под неусыпным надзором специально приставленных к нему жандармов. Он медленно погибал духовной смертью, но ни разу не дрогнула его душа, и с презрением отвергал он все делавшиеся ему предложения просить о помиловании. Несколько раз революционеры неудачно пытались освободить его. Европейская прогрессивная печать возмущалась жестокостью русского правительства. Но оно осталось непреклонным. И лишь в 1883 г., когда революционное движение было сломлено надолго, царь Александр III разрешил Чернышевскому вернуться из Сибири и поселиться под строжайшим надзором полиции в Астрахани. Только за год до смерти ему позволено было переехать в родной город Саратов, где он и умер в 1889 г. Эти последние годы он проявил удивительную литературную производительность, особенно как переводчик с иностранных языков многотомных сочинений по истории. Но могучий дух его был надломлен. Он был словно выходец из далекого прошлого, не понимал современной ему жизни и не мог создать ничего, равного по силе и таланту тому, что он писал в 50-х и 60-х годах.

С мучительно-обидным сознанием, что жизнь его бессмысленно загублена свирепой самодержавной кликой, он и умер. И долго еще нельзя было в русской литературе упоминать даже имя его.

Как социалист, Чернышевский был последователем Фурье. В своем романе «Что делать» он с увлечением доказывал все

выгоды совместной работы и совместного, коллективного потребления и в ярких, радужных картинах рисовал счастливую будущность человечества в социалистическом обществе. Чернышевский необычайно высоко ценил Фурье и ставил его наряду с другими мыслителями, идеи которых он проповедывал: германскими философами *Гегелем* и *Фейербахом*, при чем от Гегеля он, так же, как и Маркс, заимствовал его диалектический метод, а от Фейербаха—его материалистическое миросозерцание.

Но, ценя Фурье за правильное понимание всех выгод социалистического строя, Чернышевский резко расходился с ним в выборе *путей* к социализму и в этом отношении был скорее последователем Бланки. Он зло смеялся над надеждой социалистов-утопистов убедить высшие классы хорошими словами и примерами. «Кому охота слушаться увещаний, не поддержанных штыками!» говорил он. Он верил в великую роль революционной *силы* в истории, обвинял европейских социалистов в том, что они не умели пользоваться благоприятным моментом для захвата власти. Чернышевский признавал необходимость *революционной диктатуры* и притом такой, которая не отличается особой щепетильностью в выборе средств. Ковать железо надо, пока оно горячо. «Но известно, что не может ковать железо тот, кто боится потревожить сонных людей стуком. Только энергия может вести к успеху, хотя бы к половинному, если полного успеха почти никогда не дает история; «*а энергия состоит в том, чтобы не колеблясь принимать такие меры, какие нужны для успеха*».

Будучи таким образом в области революционной тактики предшественником русских большевиков, Чернышевский в то же время, вместе с своим младшим другом Добролюбовым, может считаться духовным отцом русского народничества, так как он полагал, что крестьянская община может, минуя капитализм, перейти в высшую форму социализма.

С сочинениями Маркса Чернышевский, повидимому, не был знаком; но мы находим у него много блестящих мыслей, близких к марксизму. И нет никакого сомнения, что, если б царское правительство не убило его духовно, он был бы первым последователем и учителем марксизма в России.

XVI. М. А. БАКУНИН.

1814—1876.

Знаменитый основатель революционного, боевого анархизма, противник Маркса в I Интернационале, учитель русских революционеров-бунтарей 70-х годов—Михаил Александрович Бакунин происходил из старой дворянской семьи. Он воспитывался в духе преданности царю и религии, по окончании юнкерского артиллерийского училища служил одно время офицером в городах и местечках Зап. Края (Литвы и Белоруссии). Но с ранних лет в нем бродили какие-то могучие умственные силы, какое-то смутное предчувствие предстоящей ему великой роли. Не вытерпев пустой и бесцветной жизни провинциального офицера, Бакунин уже 21 года вышел в отставку против воли отца, а потом тайно уехал из отцовского имения в Москву, где близко сошелся с кружком тогдашней передовой интеллигенции (Станкевич, Белинский, знаменитый впоследствии критик, и другие). Ведя безалаберную жизнь деклассированного интеллигента, каким он всю жизнь и оставался, не имея ни определенных занятий, ни способности к усидчивому труду, Бакунин в эту эпоху страстно увлекся идеалистической немецкой философией, особенно учением Гегеля, и тогда уже проявил тот необычайный пропагандистский жар, то уменье увлекать в свою веру, которым он так впоследствии отличался. Сестры его боготворили. Белинский, хотя нередко ссорился с ним из-за его несносного и деспотического характера, но был все же под сильным его влиянием.

Но в это время Бакунина занимали только отвлеченные философские и нравственные вопросы. Политика его не интересовала, и к ужасам Николаевской России он был равнодушен. Только после того как он в 1840 г. на средства своего нового друга Герцена попал за границу, сперва в Германию, а потом в Швейцарию, Францию и Бельгию, Бакунин стал революционером и в области мысли и в политике. Только там, в бурлящей атмосфере предреволюционной Европы, в то самое время, когда складывалось миросозерцание Маркса и Энгельса, когда и в Германии и во Франции выступил ряд блестящих революционных писателей, — Бакунин нашел благо-

приятную почву для дремавших в нем сил. Уже в 1842 г. он напечатал под чужим именем статью, где подверг резкой критике свои прежние идеалистические взгляды, и где впервые появился знаменитый потом лозунг анархистов: *«страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть»*.

Преследуемый германской полицией, Бакунин уехал в Швейцарию, где познакомился с Вейтлингом, произведшим на него сильное впечатление. В это время русское правительство обратило внимание на его «предосудительные» связи за границей и потребовало его возвращения в Россию. Бакунин не послушался, был за это заочно приговорен к каторге и сделался таким образом *политическим эмигрантом*.

В Париже Бакунин подружился с Прудоном, от которого потом заимствовал его ненависть к государству, сошелся с Марксом, который, впрочем, слишком резко расходился с ним характерами. Там же он впервые пытался сблизиться с поляками и в 1847 г. на собрании в память польского восстания 1831 г. произнес свою первую публичную речь против русского правительства, за которую его выслали из Франции.

В 1848 г. Бакунин с головой ринулся в водоворот революционных событий, больше всего мечтая поднять и объединить в одну республику всех славян. Для этого он поехал в Богемию, в Прагу, строил планы создания революционной диктаторской власти с ним самим во главе.

В это время против него, по тайному подстрекательству русского посольства в Париже, была пущена, долго потом повторявшаяся, клевета, будто он агент русского правительства. Этому многие верили, так как странной и загадочной казалась фигура этого русского дворянина, с необычайной пылкостью бросившегося в революцию, предлагавшего самые крайние меры и проповедывавшего объединение всех славян, чего добивался и Николай I, желавший подчинить их всех своей власти.

Между тем революция во всей Европе и особенно в Германии была подавлена. Бакунин принял личное участие в одной из ее последних вспышек, в Дрездене, весной 1849 г. Попав в руки реакционного правительства, он был замурован в тюрьмах, сперва в Саксонии, потом в Австрии, был дважды приговорен к смертной казни и «помилован», наконец в 1851 г.

выдан России, где его посадили сперва в Петропавловскую крепость, а потом в Шлиссельбург.

В русских тюрьмах с неукротимым Бакуниным произошло событие, которое он потом скрывал всю жизнь и которое стало известно лишь благодаря революции 1917 г., когда открылись тайные архивы царского департамента полиции. Держась мужественно и стойко в германских и австрийских тюрьмах, когда еще не отзвучали последние раскаты революционной бури, Бакунин упал духом, попав в глухую и мертвую тишину царских казематов. Отчасти под влиянием разочарования в неудавшейся европейской революции и нелюбви к немцам, врагам славянства, отчасти из страха перед ожидавшей его вечной одиночкой, которой он бы не вынес, Бакунин написал обширную «исповедь» Николаю I, где раскаивался в своей революционной деятельности. А после смерти Николая он подал его наследнику Александру II унизительное прошение о помиловании. И лишь после того мстительный царь заменил ему крепостную тюрьму ссылкой в Сибирь. В Сибири Бакунин ожил, и когда годы реакции кончились, когда и в Европе и в России повеяло свежим ветром, в Бакунине проснулся старый революционер. Он бежал через Японию и Америку и приехал в 1861 г. в Лондон к своим друзьям, Герцену и Огареву, издававшим революционный журнал «Колокол».

Став таким образом вторично эмигрантом, Бакунин на первых порах со всей своей энергией снова занялся революционными славянскими делами. Он мечтал о создании федеративной славянской республики, при чем вначале считал даже возможным, что во главе славянского дела станет царь Александр II. В своей брошюре «Народное Дело, Романов, Пугачев или Пестель» Бакунин выдвинул программу национализации земли, «так чтобы не было ни одного русского, который не имел бы части в русской земле»; далее он требовал народного самоуправления сверху до низу, «*с царем или без царя, все равно*, и как захочет народ. Но чтобы не было в России чиновников». «Отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его,—мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы—будем его врагами».

И действительно, когда началось польское восстание 1863 г.,

Бакунин стремился помогать ему чем только мог. И лишь после его подавления, разочаровавшись на время в надежде вызвать славянскую революцию, Бакунин с середины 60-х годов целиком посвящает себя возрождавшемуся европейскому рабочему движению, особенно в так называемых романских странах, Италии, Франции, Французской Швейцарии, а впоследствии и в Испании. В эту именно эпоху вполне слагаются анархистские взгляды Бакунина и начинается его знаменитая борьба с Марксом в I Интернационале.

Вступив в руководимое Марксом «Международное товарищество рабочих», участвуя на его съездах и организуя его отделения или секции, Бакунин в то же время образовал внутри Интернационала тайное общество из своих последователей и начал энергично бороться против идей Маркса. Будучи в сущности учеником Маркса в экономических вопросах и в материалистическом объяснении истории, Бакунин резко расходился с ним в отношении к государству и государственной власти, а также в методах борьбы с существующим строем.

Правда, и в глазах Маркса современное государство есть лишь организация классового господства, есть орудие в руках привилегированного меньшинства для подавления и угнетения трудящихся масс. И по Марксу, с исчезновением классов исчезнет и государство. Но для марксистов не безразличны разные формы государственного строя: для них конституционное государство вообще, а особенно республика есть та форма, которая предоставляет пролетариату больше свободы и организационных возможностей для борьбы за его окончательное освобождение. Наконец, первым решающим этапом на пути к этому освобождению марксисты считали и считают завоевание рабочим классом политической власти, «диктатуру пролетариата».

Для Бакунина, наоборот, всякое государство есть абсолютное зло. Если он и является республиканцем, то для него слово «республика не имеет другой цены, кроме цены *чисто отрицательной*: оно означает разрушение, уничтожение монархии». Государство демократическое может оказаться даже хуже монархии: «именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо

вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплоатацию труда».—«Нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы».

Поэтому Бакунин был самым решительным противником участия рабочих в парламентских выборах и участия в каких бы то ни было представительных учреждениях. Но мало того. Отрицая всякую власть, он столь же решительно отрицал и чисто рабочую власть, диктатуру пролетариата. Ибо, по его мнению, и рабочие, сделавшись правителями или представителями народа, «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной». Таким образом Бакунин рекомендовал не завоевывать государственную власть, а *уничтожить ее* и в корне разрушить всякое государство, «всякую политическую организацию», которая «всегда ведет роковым образом к отрицанию свободы».

Полное и немедленное уничтожение государственного строя и свободный союз свободных общин—вот общественный идеал Бакунина, ставший идеалом всех анархистов.

Мы уже видели, что отрицательное отношение ко всякой государственной власти у предшественника и отчасти учителя Бакунина—Прудона—являлось выражением той злобы, которую питает к государству крестьянин. Но в то время, как Прудон предлагал лишь бойкот государственной власти, Бакунин в свой анархический период страстно проповедывал полное разрушение государства. В этом отношении он опирался не только на ненависть крестьянина к эксплоатирующему его городу, но и на низшие, неорганизованные, особенно деклассированные, босяцкие слои пролетариата, которые являются париями современной цивилизации и ничего, кроме озлобления и желания ее гибели, питать не могут. Бакунин, действительно, считал, что более квалифицированные рабочие уже заразились буржуазным духом и что лишь в «нищенском пролетариате», «*в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции*». Вообще же «буржуазному и доктринерскому социализму городов» Бакунин охотно противопоставлял «*примитивный, дикий* социализм деревни».

Таким образом, если Маркс все свои надежды возлагал на передовые, более организованные слои пролетариата, которые он звал к завоеванию государственной власти, то Бакунин хотел опереться на стихийную крестьянскую массу и на отсталую часть рабочих, которые и должны были, по его мысли сразу уничтожить все устои буржуазного общества. Поэтому его очень мало интересовали как будущая организация производства, так и медленная, кропотливая работа над воспитанием и организацией рабочего класса для подготовки его к будущей диктатуре.

Неудивительно, что, при такой противоположности взглядов и характеров, между Бакуниным и Марксом возгорелась страстная борьба, в которой обе стороны доходили до крайнего ожесточения, а Бакунин опустился даже до грубого, вульгарного антисемитизма, приписывая все, что ему не нравилось в Марксе, его еврейскому происхождению.

В этой борьбе внутри Интернационала, которая в значительной мере содействовала его распаду, на стороне Бакунина были социалисты более отсталых стран, особенно Италии и Испании.

Между прочим Бакунин и его сторонники в Интернационале выдвигали против Маркса обвинение в диктаторском господстве из Лондона над всем «Международным товариществом» и требовали наибольшей автономии, т.-е. свободы действий для отдельных групп. Но в то же время сам Бакунин в организованном им внутри Интернационала тайном обществе вводил строгий централизм. Эта раскольническая деятельность его, равно как сношения с русским революционером Нечаевым, который от имени Бакунина совершил ряд некрасивых поступков, и послужили поводом к исключению Бакунина из Интернационала в 1872 г. Но это исключение вызвало общий раскол, при чем бакунинский Интернационал на несколько лет пережил тот, который руководился Марксом.

Еще до этого, во время франко-прусской войны, осенью 1870 г. Бакунин принял участие в попытке восстания во французском городе Лионе. Восстание, впрочем, кончилось неудачно, продолжалось всего несколько часов, и Бакунин снова уехал в Швейцарию. Победа Германии, которую он возненавидел, произвела на него удручающее действие. Он предска-

зывал долгий период европейской реакции, на целых 50 лет.

Сам он последние годы своей жизни снова отдался русским делам. Он написал книгу «Государственность и анархия», ставшую на несколько лет настоящим евангелием русских народников-бунтарей. Он звал учащуюся молодежь—бросать науку и итти «в народ», чтобы подымать его для восстания. В этой своей проповеди он столкнулся с другим известным русским социалистом—Лавровым, который, наоборот, считал необходимым для будущих социалистов длительную и основательную научную и нравственную подготовку. В борьбе «лавристов» и «бакунистов» симпатии большинства революционной молодежи в России оказались на стороне Бакунина.

В 1874 г. усталый, разочарованный Бакунин сделал еще одну попытку по крайней мере умереть красиво. Он принял участие в организованном его последователями-итальянцами восстании около итальянского города Болоньи. Но эта попытка окончилась плачевной неудачей, и Бакунин был тайно увезен друзьями через границу. После этого он окончательно поселился на маленькой дачке в Итальянской Швейцарии и ушел в частную жизнь. Он крайне нуждался и невыразимо страдал от болезней. Одинокий, окруженный лишь несколькими восторженными поклонниками из итальянских рабочих-эмигрантов, ставший свидетелем того, как исчезало революционное настроение в Европе, медленно угасал этот неукротимый бунтарь. Летом 1876 г. он умер в Берне, куда поехал лечиться.

Предсказанный им период 50-ти-летней реакции продолжался всего 35 лет, до русской революции 1905 г. Если это и не был период действительной реакции, то это был во всяком случае период медленного, мирного развития рабочего движения, период его *парламентских успехов*, т.-е., с точки зрения Бакунина, еще, пожалуй, хуже подлинной реакции, так как, по его мнению, парламентская борьба лишь развращает рабочий класс. Но с 1905 г. начинается новая революционная эпоха во всемирном масштабе, захватившая сперва Россию и Азию (революции в Персии, Турции и Китае), вызвавшая мировую войну и ту мировую революционную полосу, начало которой снова положила Россия. На поверхность исто-

рической жизни—впервые в мировой истории—поднялись самые глубокие, самые низинные слои народных масс, озлобленные вдобавок до последней степени чудовищной бойней, этим варварским преступлением всего капиталистического общества. В такой великий, трагический момент революционные идеи Бакунина не могли не встрéтить отклика в взбудораженной революционной стихии.

Бакунин и Маркс—это два начала в самом рабочем движении, как и мелко-буржуазный социализм Прудона. И лишь тогда, когда, наученный горьким историческим опытом, весь сознательный пролетариат сплотится в действительно *единый* и притом действительно *революционный фронт*, когда обученная и организованная верхушка пролетариата откажется от «соглашательства», а революционно настроенные массы приобретут нужный организационный опыт, выдержку и стойкость,—лишь тогда будут изжиты разделяющие рабочий класс противоречия, и ему будет обеспечена победа над капиталистическим обществом.

XVII. П. Л. ЛАВРОВ.

1823—1900.

Огромную роль в истории русского социализма 70-х и 80-х годов сыграл идейный противник Бакунина—Петр Лаврович Лавров, который и в характере своей общественной деятельности резко отличался от Бакунина. Если знаменитый бунтарь и анархист был человек чувства и темперамента, человек действия и активной борьбы, то Лавров был по преимуществу человеком кабинетной мысли.

До 44 лет он был, хотя и прогрессивным и сочувствовавшим революционной молодежи, но совершенно мирным профессором Михайловского артиллерийского училища, ученым и философом, весьма чуждым и далеким и революции и социализму. Во время свирепых гонений на интеллигенцию, вызванных покушением Каракозова на Александра II в 1866 г., был сослан в Вологодскую губернию и Лавров. Там он написал, под псевдонимом *Миртова*, свои знаменитые «Исторические письма», о влиянии которых на молодежь мы еще скажем, но на которые сам Лавров смотрел отнюдь не как на революционное произ-

ведение. Он рвался к научной деятельности и, получив отказ в своих ходатайствах о возвращении в Петербург или разрешении уехать за границу, решил бежать, эмигрировать, что ему и удалось сделать в 1870 г. с помощью известного впоследствии революционера Лопатина.

Попав в Париж, он оказался в самом водовороте революционных событий, был свидетелем и даже участником Парижской Коммуны; под влиянием рабочего-социалиста Варлена, потом расстрелянного версальскими палачами Коммуны, Лавров вступил в Международное товарищество рабочих и поехал в Лондон, чтоб добиваться у Совета Интернационала помощи для коммунаров. При этом Лавров познакомился с Марксом и Энгельсом, которые произвели на него такое глубокое, такое могущественное впечатление, что он только с этого момента стал настоящим социалистом и всю жизнь называл себя их учеником.

В течение 70-х годов Лавров редактировал революционно-пропагандистский журнал «Вперед», в котором, в противоположность Бакунину, звал молодежь не к немедленным бунтам и восстаниям, а к науке, к глубокой научной и нравственной работе над собой и к длительной и основательной пропаганде социализма среди окружающих. В начале 80-х годов, хотя не во всем соглашаясь с тогдашними революционерами-террористами [1]), он все же редактировал несколько лет их журнал «Вестник Народной Воли».

Одновременно с литературно-революционной работой, Лавров все годы эмиграции, до самой смерти, занимался наукой и написал ряд книг по истории общественной мысли, истории культуры и нравственности, которые ему часто удавалось печатать в русских журналах и издавать легально под разными вымышленными именами (Арнольди, Доленги и др.). Написал он и превосходную книгу о Коммуне. Но круг читателей его был всегда ограничен вследствие отвлеченности и сухости его изложения.

Отличаясь мягким характером и глубокой искренностью, Лавров всегда привлекал к себе молодых представителей рус-

---

[1]) О них—подробнее в главе о Плеханове.

ской эмиграции, а также либеральных писателей и профессоров и умер, окруженный всеобщей любовью и уважением.

Наибольшим влиянием среди русской революционной интеллигенции пользовался Лавров в самом начале 70-х годов, и наибольшую известность среди молодежи не только 70-х, но даже 80-х и начала 90-х г.г. приобрели его «Исторические письма», книга, которой сам он во время ее писания придавал мало значения. В этой книге Лавров рассматривал, что такое прогресс и цивилизация, доказывал, что каждый шаг этого прогресса покупается ценой страшных страданий многомиллионных народных масс; в то же время он утверждал, что движущими силами истории являются только *«критически мыслящие личности»*, т.-е. интеллигенция, что без них никакой прогресс не мыслим. Но, с другой стороны, получая свое умственное развитие и пользуясь всеми благами цивилизации лишь благодаря труду и страданиям народных масс, эти критически-мыслящие личности нравственно обязаны «отдать долг народу», т.-е. содействовать и его умственному и нравственному развитию, как и повышению его благосостояния.

«Как ни мал прогресс—человечества, писал Миртов-Лавров,—но и то, что есть в нем, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен. Так как эти личности полагают обыкновенно себя в праве считаться развитыми, и так как за их-то именно развитие заплачена страшная цена предшествовавшими поколениями..., то нравственная обязанность расплачиваться за прогресс лежит на них же. Эта уплата... есть посильное распространение удобств жизни, умственного и нравственного развития, на большинство, внесение научного понимания и справедливости в общественные формы». Ибо, говорил в своей книге Лавров, самый прогресс есть не что инсе, как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении и воплощение в общественных формах идеалов истины и справедливости».

Эти взгляды Лаврова на историю, к которым отчасти примыкал известный и талантливый критик, философ и публицист Н. К. Михайловский, получили впоследствии название «субъективного метода в социологии» и были жестоко высмеяны русскими марксистами во главе с Плехановым. В самом деле, по

Лаврову выходило, что народные массы, толпа, это—глина, из которой интеллигенты, «критически-мыслящие личности», «герои» могут лепить те исторические формы, какие соответствуют их личным, субъективным идеалам. Наоборот, с точки зрения исторического материализма Маркса и Энгельса, если сильная личность берется за осуществление таких задач, которые *вытекают из самого хода истории*, соответствуют развитию производительных сил и экономических отношений и потому отвечают интересам и смутным чаяниям народных масс, этих настоящих двигателей истории,—при таких условиях деятельность личности может быть плодотворной, может оставить положительный след в истории. Но в таком случае эта личность является не столько творцом, сколько *орудием* исторического прогресса. Отрицательный след оставляют в истории те, кто упорно борется против новых, развивающихся сил. Наконец, те, которые пытаются изменить законы истории и берут на себя непосильные задачи, совершенно не вытекающие из данных экономических условий,—являются *Дон-Кихотами* истории, смешными рыцарями, которые борются с ветряными мельницами.

Таким образом «Исторические письма» представляют собой типичный образчик *исторического идеализма*, давно опровергнутого и учением Маркса и жизнью. Но в свое время они сыграли большую революционную роль, толкнув наиболее чуткую часть студенчества и вообще интеллигентной молодежи на то своеобразное «хождение в народ», попытку массовой пропаганды, которые характерны для начала 70-х г.г. Если бакунинская книга «Государственность и анархия», появившаяся в 1873 г., способствовала выработке народников-*бунтарей*, то «Исторические письма» 1870 г. помогли созданию типа *«кающегося дворянина»*, который «шел в народ»—учить его, отдать ему хоть часть того, что было высосано отцами-крепостниками.

В своих научных и общественных взглядах Лавров всегда был и оставался *эклектиком*. Это значит, что у него не было яркого и цельного миросозерцания, проникнутого *одной* идеей, *одним* принципом. Он брал из разных учений то, что ему нравилось, казалось ему наиболее правильным, и делал из этого смесь. Так, хотя он, как мы знаем, познакомившись с Марксом и его теорией, считал себя его учеником и последователем научного социализма, но он никогда не понимал самой *сути* мар-

ксизма: ни исторического материализма, ни особенно *диалектики*, т.-е. умения рассматривать явления *в их развитии*, подмечать их уже в зародыше и делать правильные выводы из борьбы противоречий. Оставался Лавров всегда и наивным идеалистом, верящим в силу разума и развитой личности. В 70-х годах в своем журнале «Вперед» он доказывал, что в тогдашней России каждый сознательный социалист может распропагандировать в год несколько человек и сделать их тоже социалистами; каждый из них, в свою очередь, распропагандирует еще нескольких, так что через небольшое число лет вся Россия покроется социалистами. В то же время, при таком наивном и упрощенно-механическом взгляде на развитие идей, Лавров никогда не понимал теорий русских марксистов и их надежд на рабочий класс. Он резко выступил против Плеханова в 80-х годах, при самом появлении русского марксизма. А вот что он писал в письме к «молодым народовольцам», предшественникам соц.-революционеров,—уже в середине 90-х годов по поводу русских с.-д.:

«Чего хотели и хотят «русские ученики» [1])—соц.-демократы?—Без сомнения, перенесения на почву нашей родины той самой политики, которая доставила такие блестящие успехи в других странах их единоверцам. Организация рабочей партии *при существующих юридических условиях*, усвоение этой организованной партией сознания классовой противоположности и борьбы, выставление ею особой политической программы, с целью достигнуть диктатуры пролетариата и перехода, при посредстве этой диктатуры, орудий труда в руки рабочих,—такова совершенно естественная и правильная программа заграничных соц.-демократов».

В России, по мнению Лаврова, при тогдашних политических условиях, это было совершенно невозможно. «Тем из русских с.-д., которые смело утверждают, что организация подобной рабочей партии... возможна в нынешней России, приходится ответить только: попробуйте и, если вам удастся, вы совершите великое дело. Но для меня это дело *невозможное* [2]), предполагающее ребяческое ослепление и едва ли не полное незнание русских юридических условий».

---

[1]) Т.-е. ученики Маркса. *Б. Г.*

[2]) Курсив везде принадлежит Лаврову.

При этом сам Лавров считает, что для победы революции в России необходимо, помимо пропаганды среди рабочих и их организации, «организовать политический заговор, почти неизбежно опирающийся на интеллигенцию» (это мнение он приписывает тем мнимым с.-д., с которыми он согласен).

Русский пролетариат ответил на эти близорукие рассуждения революциями 1905 и 1917 годов.

Впрочем, справедливость требует признать, что, несмотря на всю теоретическую слабость Лаврова как социалиста, ему принадлежит большая заслуга *глубокого понимания характера и сущности грядущей социальной революции*. Несомненно, это понимание явилось следствием опыта Коммуны, который он подверг удивительно верному разбору и критике,—а также следствием *личного* знакомства с Марксом. И это же понимание, как небо от земли, отделяет подлинного революционера Лаврова, от нынешних с.-ров, считающих себя его учениками.

Взгляды Лаврова на революцию и на задачи революционных социалистов высказаны во многих его работах, но особенно в упомянутой книге о Парижской Коммуне и в замечательной статье «Социальная революция и задачи нравственности», напечатанной уже в середине 80-х г.г. в «Вестнике Народной Воли» [1]).

Лавров никогда не переоценивал спасительной роли «демократии» в классовой борьбе. Он знал, что и «в Америке... легальная свобода не предохранит от насилий (со стороны господствующих классов. *Б. Г.*), как только опасность будет серьезна». Он предупреждал, что социалистам нельзя «даже забыть на минуту, что рабочая политическая партия не может соединяться с партией политических буржуа». Трезво оценивал он и условия революционной борьбы. «В сущности эпоха борьбы есть эпоха прекращения закона справедливости. Последний ограничивается в этом случае указанием, когда следует начинать борьбу и когда настает минута ее кончить. Сама борьба имеет свои законы», при чем «расчет целесообразности остается господствующим». Вообще же «нравственные задачи социализма не легки, но их и не следует считать легкими. Социальная революция, входящая в эти задачи, обещает быть кровавою и

---

[1]) Издано в 1921 г. издательством «Колос» в Петрограде.

жестокою, но цель ее есть цель нравственная и *должна* быть достигнута».

Наконец, и в своей книге о Коммуне, и в статье о социальной революции, из которой мы приводим все эти выдержки, Лавров огромное значение для успеха революции приписывает организации *сильной, сплоченной, дисциплинированной и централизованной партии.* «Борьба за власть в обществе имеет свои условия, общие для всякой подобной борьбы; одно из этих тактических условий есть единство действия, без которого ни одна армия не может победить; это единство возможно лишь при подчинении личностей и групп общему руководству в той или другой форме».

Всеми этими мыслями Лавров непосредственно примыкает к революционной теории и практике русского большевизма.

XVIII. Г. В. ПЛЕХАНОВ.

1856—1918.

Имя скончавшегося 30-го мая 1918 г. учителя русских рабочих и родоначальника русского марксизма Георгия Валентиновича Плеханова связано со всем общественным и революционным движением в России, начиная с 1870-х годов, и является в то же время одним из самых громких имен среди выдающихся европейских социалистов.

Происходя из дворян Тамбовской губ., Плеханов еще молодым юношей на студенческой скамье примыкает к революционному движению интеллигентной молодежи 70-х годов, известному под названием *народничества.* Народники верили, что русский народ, многомиллионное русское крестьянство, благодаря общинному владению землей, вполне подготовлено к социалистическому учению. Им казалось, что каждый трудовой крестьянин—в душе бессознательный социалист. Стоит лишь разъяснить ему его положение, направить на верный путь его ненависть против помещиков и «начальства», как он подымется всей своей массой и водворит на Руси вольные общинные порядки, анархо-социалистический строй.

Поэтому народники надеялись, что мужицкая Россия *перешагнет через капитализм*, что в ней не будет городского пролетариата, и что мы сразу из царской, только что вышед-

шей из крепостного права России, перепрыгнем в царство крестьянского социализма. Поэтому также народников вначале не интересовали вопросы *политической свободы* и борьба за конституцию, т.-е. за ограничение самодержавия, за народное представительство. Наоборот, они даже думали, что политическая свобода будет лишь на руку нарождающейся буржуазии, даст ей возможность укрепиться, поможет развитию капитализма в России и тем самым задержит социалистическую революцию.

Правительство Александра II жестокими преследованиями народников-социалистов, массовыми арестами, ссылками и даже казнями ответило на их агитацию в народе. С другой стороны, крестьянская масса осталась глухой к этой агитации, не понимала ее и недоверчиво относилась к переодетым городским барчукам. Под влиянием этого в 1879 г. часть народников признала необходимость *политической борьбы* с правительством, борьбы за политическую и гражданскую свободу, за парламент, за все то, чем уже пользовалась буржуазия передовых стран Запада. Эта часть народников откололась от тайной революционной организации «Земля и Воля» и образовала партию «Народной Воли», народовольцев. *Но, не опираясь ни на какое общественное движение*, народовольцы самую борьбу с правительством понимали, как *единоборство*, и почти все свои силы затрачивали на *террор*, на убийство наиболее ненавистных чиновников, а потом и самого царя.

Вот каковы были те общественные условия, в которых начал свою революционную деятельность молодой, талантливый, убежденный народник Г. В. Плеханов. На Воронежском съезде «Земли и Воли», где произошел откол народовольцев, он пылко и энергично отстаивал основные взгляды крестьянского социализма, боролся против террора, против увлечения политикой и политическими свободами. А после раскола он основал новую народническую группу «Черный Передел», которая все свои надежды возлагала на крестьянское восстание.

Но любопытно, что уже тогда, находясь, казалось, столь далеко от марксизма и проповедуя заведомо *утопические*, неосуществимые идеи, Плеханов часто высказывал более здравые мысли, чем народовольцы. Он понимал, что лишь *то револю-*

ционное движение может рассчитывать на успех, за которым пойдут широкие массы, и заранее считал обреченной на неудачу борьбу одиночек-интеллигентов с правительством, какой бы геройской эта борьба ни была. И, действительно, народовольцы *убили царя*, но не убили *царизма*, т.-е. всего царского порядка, который погиб лишь тогда, когда восстал весь народ.

В то же время, хотя молодой Плеханов верил умом в социалистическое настроение крестьянства, душа его с самого начала тянулась к *городским рабочим*. Он сам рассказывает об этом в своих замечательных воспоминаниях о «Русском рабочем в революционном движении». Правда, он не верил тогда в возможность самостоятельного рабочего движения в России. Он смотрел на рабочих, как на тех же крестьян, которые лишь случайно попали в город, на фабрику и которые сумеют лучше понести социалистическое учение в деревню, так как им крестьяне скорее поверят, чем интеллигентам, «скубентам». Но вместе с тем он видел и чувствовал, какая пропасть отделяет понимание рабочего от понимания крестьянина, он видел, как легко, доверчиво и жадно, в отличие от крестьянина, слушают рабочие социалистические речи.

Точно так же, отрицая, согласно своим взглядам, политическую борьбу, Плеханов на деле—и в этом снова сказалось уже тогда его здоровое революционное чутье—был одним из организаторов первой политической демонстрации в Петербурге на Казанской площади в 1876 г. В этой демонстрации участвовали рабочие-социалисты, и здесь Плеханов произнес открыто свою первую *политическую* речь, *речь против самодержавия*.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, спустя всего два года после того, как он в 1880 г., спасаясь от преследования русской полиции, окончательно уехал за границу, в его взглядах произошел резкий поворот.

Изучив сочинения Карла Маркса и ознакомившись с движением европейских рабочих, он становится решительным противником народничества и издает в 1882 г. свою первую социал-демократическую брошюру: «Социализм и политическая борьба». В ней он доказывает, что именно политическая борьба рабочего класса и его *политическое* освобождение являются необходимым предварительным условием его *экономического*

освобождения. В следующем году он вместе со своими ближайшими товарищами П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич основывает первую русскую революционно-марксистскую организацию: «Группу Освобождения Труда».

С этого года ведет свое начало русская социал-демократия, как идейное течение, возлагающее все надежды не только осуществления социализма, но и *ближайшего освобождения России от самодержавного гнета—на русский рабочий класс.*

В этом же году Плеханов издал свою замечательную книгу «Наши разногласия», в которой критикует народничество и доказывает правильность марксистского учения. В этой книге Плеханов впервые указывает, что крестьянство в своей массе не может стать в данное время опорой для социализма. В России уже появилась и все более развивается городская промышленность, устанавливается *капиталистический строй*, и он ведет с собою своего неизбежного спутника и непримиримого врага, который его уничтожит—пролетариат. Следовательно, в России, как и в Европе, именно пролетариат есть тот класс, который больше всего заинтересован в политическом преобразовании России и больше всех других классов, по самому своему положению, способен к настойчивой, последовательной и организованной революционной борьбе, способен на роль *застрельщика* будущей русской революции.

Этой идее посвятил Плеханов 15 лет своей жизни, и в этом *одна из его величайших заслуг* перед русской общественной жизнью, пред русским пролетариатом, перед русской революцией. В самую мрачную пору политического и общественного застоя 80-х годов, после крушения и распада всех прежних революционных кружков, когда вся интеллигенция изверилась в революционные идеалы, и в стране, казалось, умерло все живое, в это время Плеханов увидел то, чего наследники народничества не хотели видеть много лет спустя: он увидел *новую нарождающуюся революционную силу—рабочий класс.* С этим классом связал он все свои упования революционера и социалиста, на служение этому классу, в помощь его политической и экономической борьбе отдал он все свои силы, свое здоровье, свои глубокие и всесторонние познания, свой огромный и блестящий литературный талант.

Над Плехановым и его учениками смеялись, как над чудаками, которые надеются освободить Россию от гнета самодержавия при помощи рабочих, составляющих ничтожное меньшинство населения. Когда Плеханов на первом международном социалистическом конгрессе (съезде) в Париже сказал свою знаменитую фразу, что «революционное движение в России победит, как *движение рабочих*, или не победит вовсе», к этому отнеслись недоверчиво даже многие европейские социалисты. Но уже *семь лет спустя*, после ожесточенной идейной борьбы учеников Плеханова в России, первых русских *марксистов*, со старыми народниками, в 1896 г. разразилась *грандиозная 30-тысячная стачка петербургских ткачей и прядильщиков*.

Эта стачка начала собою новую эпоху в истории России. Революционнсе значение русского пролетариата было всеми признано. Его выступление с восторгом приветствовал заседавший тогда *четвертый* международный социалистический конгресс в Лондоне. Плеханов получил наивысшее удовлетворение, какое может выпасть на долю общественного деятеля.

Плеханов был не только учителем и руководителем русских марксистов и русских сознательных рабочих. Он был сам *глубоким мыслителем* и исследователем, истинным продолжателем Маркса.

В качестве знатока *философии* марксизма, т.-е. основных идей этого учения, в качестве марксистского историка европейской и русской общественной мысли, в качестве марксистского критика и историка литературы и искусства,—он не имеет себе равного.

Вместе с познаниями и глубиной настоящего ученого Плеханов соединял яркий талант красоты, живости и ясности изложения. Он умел самые сложные и глубокие вопросы философии представить в понятной и доступной форме. Поэтому его книга: «К развитию монистического взгляда на историю», вышедшая в 1895 г. под псевдонимом (вымышленным именем) Бельтова, произвела большой переворот в умах интеллигенции и сразу сделала марксизм в России самым известным и распространенным учением.

Но если, как продолжатель и истолкователь Маркса, первый применивший марксизм к исследованию русской жизни,

Плеханов был всегда общепризнанным учителем всей русской социал-демократии, без различия фракций и течений, то в области *тактики*, т.-е. руководства в *непосредственной политической борьбе*, у него было много колебаний и много противников в рядах социал-демократии.

Когда в 1903 г. русские марксисты раскололись на большевиков и меньшевиков, Плеханов сближался то с теми, то с другими, то, наконец, действовал в одиночку. А когда разразилась мировая война, Плеханов, видя в германском империализме главного и самого опасного врага и европейской «культуры» и рабочего класса, подобно столь многим вождям II Интернационала, стал на патриотическую точку зрения и допускал для стран «Согласия»—и для России в том числе—мир и даже союз с собственной буржуазией и собственными правительствами в борьбе с ненавистной ему Германией.

После февральской революции 1917 г. Плеханов вернулся в Россию и образовал собственную социал-патриотическую организацию «Единство». Под влиянием патриотического угара Плеханову изменило его революционное чутье: он не понял ни всей глубины и захвата русской революции, ни того, что весь капиталистический мир идет навстречу грозным революционным бурям.

Умер Плеханов после Брестского мира, одиноким, почти забытым, в Финляндии, где тогда господствовала германская военщина.

Но, несмотря на все эти колебания и отступления от международной революционной позиции, имя Плеханова останется одним из наиболее любимых и славных имен русского пролетариата. Ибо ошибки Плеханова забудутся, а его значение основателя и учителя русского марксизма останется неизменным. И долго еще социалистическая рабочая молодежь России будет выковывать себе стройное марксистское миросозерцание—по *сочинениям Плеханова*.

XIX. П. КРОПОТКИН.

В лице скончавшегося 8-го февраля 1921 г. Петра Алексеевича Кропоткина сошел со сцены один из наиболее характерных и ярких представителей старой русской революционной

интеллигенции, подобно Бакунину, ставший из русского дворянина вождем европейского анархизма, но во многих отношениях бывший полной противоположностью Бакунина.

Аристократ по рождению и воспитанию, он, по окончании привилегированного учебного заведения в 1862 г., не пошел по торной дорожке придворной, военной, административной или дипломатической карьеры, а добровольно поехал на службу в Сибирь, привлекавшую его демократизмом своего быта и возможностью научной работы в мало исследованных областях. Питомец пажеского корпуса увлекается естествознанием— дань эпохе 60-х годов—особенно физической географией, в которой делает важные открытия и которая впоследствии у него, так же, как у его друга и единомышленника, знаменитого французского анархиста Э. Реклю, стала любимой наукой.

Таким образом, если Бакунин начал с германской идеалистической философии и лишь впоследствии пришел к материализму, то Кропоткин начал с естествознания. Но, с другой стороны, Бакунин под влиянием Маркса усвоил также основы *исторического* материализма, тогда как Кропоткин в одном отношении всю свою жизнь остался «шестидесятником»: он был типичным «просветителем», верил в силу разума, в творческую силу науки. Но у него была еще одна черта, отличавшая его от Бакунина и в то же время сделавшая его подлинным «семидесятником», ярким образчиком «кающегося дворянина»; если для Бакунина моральные вопросы не играли большой роли, если для него, наоборот, нередко цель оправдывала средства, то в Кропоткине наиболее яркой чертой характера, руководившей им всю жизнь, было высоко развитое *нравственное чувство, чувство долга.* Уже по возвращении из Сибири в конце 60-х годов, когда его научные работы создали ему европейское имя и пред ним рисовался заманчивый путь блестящей научной деятельности, он поставил себе, как он сам рассказывал, такой вопрос: «Какое право имел я на все эти высокие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?» И Кропоткин уехал за границу, где примкнул к

Бакунинскому крылу «Интернационала» и на всю жизнь усвоил себе его анархические взгляды. Но по возвращении в Россию в 1872 г. Кропоткин вступил именно в кружок Чайковского, который, по его собственным словам, «возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности», т.-е. ставил себе, главным образом, нравственные задачи, и это-то больше всего привлекало Кропоткина. Будучи самым старшим, опытным и образованным членом кружка, он сделался его душой и фактическим руководителем. В то же время он один из первых русских революционеров стал заниматься в кружке петербургских рабочих, которым он рассказывал об Интернационале. После своего ареста и знаменитого побега из больницы, он окончательно эмигрировал в Европу, где начался новый и важнейший период его деятельности, как общепризнанного теоретика и пропагандиста европейского анархизма.

Но и к анархизму Кропоткин подходил не так, как Бакунин. Для Бакунина самое важное в анархизме была его *отрицательная, разрушительная* сторона, о будущем строительстве он мало заботился. Кропоткин, наоборот, очень много внимания посвящал будущему *творчеству*, свободному сотрудничеству людей в избавленном от государственной власти обществе. Элементы, зачатки этого свободного сотрудничества он видел уже в теперешнем обществе; он считал именно сотрудничество, а не борьбу главным законом общества и доказывал его существование даже в животном мире. Человек по природе добр, и если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он устроился бы наилучшим образом.

Таким образом в насилии и разрушении Кропоткин видел лишь неизбежное зло и с удовольствием отмечал все те факты в развитии цивилизованного человека, которые, по его мнению, свидетельствовали о мирном прогрессе анархических и коммунистических идей и форм жизни. Поэтому он отрицательно относился к тем русским анархистам 1905—1908 г.г., которые доходили до «безмотивного» террора и «индивидуальных» экспроприаций.

Несмотря на исторический идеализм и утопизм Кропоткина, сближавший его с великими утопистами начала XIX в., несмотря на его анархические идеи и нередко весьма неспра-

ведливую полемику с социалистами, многие его мысли стали прочным достоянием революционного социализма в его борьбе против оппортунизма (особенно в книгах «Речи бунтовщика» и «Завоевание хлеба»). А его история Французской революции, при своем небольшом объеме и доступном изложении, представляет исключительную научную ценность и бросает неожиданно яркий свет на многие события нашей революции.

Чрезвычайно интересная эволюция произошла с Кропоткиным с начала мировой войны. Казалось, что ненависть к Германии и германской социал-демократии, в которой он вполне сходился с Бакуниным, и которую он питал всю свою жизнь, заставила его забыть и анархизм, и интернационализм. Он сделался пламенным патриотом тех самых «великих демократий»—стран Согласия, которые он, в качестве анархиста, достаточно сильно разоблачал в свое время, при чем все прелести *французской* «демократии» он испытал на самом себе в форме арестов, изгнаний и долгих лет тюремной одиночки. Мало того, в нем как будто заговорил даже русский патриот, и его знаменитые фельетоны в «Русских Ведомостях» совратили с революционно-социалистического пути не одного из «малых сих». А в 1917 г., вернувшись на родину после 40 лет эмиграции, Кропоткин как будто не отличался ни от Плеханова, ни от Брешко-Брешковской, вместе с которыми он выступил на организованном Керенским «Государственном совещании». И он был противником гражданской войны, и он как будто стоял за притупление классовой борьбы, за укрепление демократической республики. Можно было думать, что 40 лет борьбы в духе анархического интернационализма оказались лишь случайным эпизодом в жизни Кропоткина, и что он разделил участь многих бывших революционных народников, в момент величайшей революции оказавшихся рядовыми мелко-буржуазными демократами.

Но это только так казалось. Наоборот, именно это демократическое увлечение явилось случайным эпизодом, вспышкой, пережитком тех интеллигентских упований, которые питали в душе, часто бессознательно, несмотря на весь революционный социализм и анархизм, почти все народники,—упований, что революция принесет длительную эпоху политической свободы и «европейских» форм классовой борьбы.

Несомненно, что октябрьская революция и затем крах германского империализма и начало революционной полосы в Европе произвели на Кропоткина необычайно сильное впечатление. Они вернули его к тому анархическому коммунизму, который стал его второй природой, но они же, особенно ход событий в России, поставили его в положение поистине трагического внутреннего противоречия. Как анархист, он всеми силами своей души протестовал против режима партийной диктатуры со всеми ее последствиями. А как глубокий знаток европейских революций, особенно Великой революции конца XVIII в., он понимал, что эта диктатура, как и весь ход событий после октября, являются исторически неизбежными. В то же время он, несомненно, должен был испытать большую душевную неловкость, если не стыд, за свои националистические и «демократические» увлечения 1914—1917 г.г., которые так противоречили всему его миросозерцанию, равно как и за те пророчества, которые так плохо оправдались. Все это вместе взятое и заставило его уйти от активной жизни, заставило этого неугомонного революционера сознательно обречь себя на молчание в течение целых трех лет...

Правящую в России партию коммунистов он считал новыми якобинцами. В качестве анархиста, он был непримиримым врагом якобинских методов управления. Но, как историк и революционер-интернационалист, он признавал за новым якобинством глубоко революционное международное значение. Поэтому он отказался от публичных выступлений против Советской власти и свое настроение выражал лишь в частных письмах. В этом отношении крайне характерным документом является письмо Кропоткина от 2-го мая 1920 г., опубликованное в анархистской листовке, посвященной памяти Кропоткина. Это последнее известное письмо Кропоткина вообще очень интересно по той выпуклости, с которой в нем отражаются основные черты его характера и убеждений. Он жалуется, что анархисты недостаточно предугадали то, что «подготовлялось 30 лет», недостаточно оценили «силы социал-демократического централизаторства» и не умели объединиться для борьбы с ним. Таким образом Кропоткин считает русский коммунизм прямым детищем Плехановского марксизма и в то же время думает, что анархизм мог бы изменить ход истории, если б

отличался большей проницательностью и организованностью. Далее, он «глубоко *верит* в будущее», в то, что профессиональное движение «в течение ближайших 50 лет» сможет «приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». Он «верит» также, что «творческим ядром коммунистической жизни» окажется «*русское крестьянское* кооперативное движение». И, наконец, он «верит», что, «разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни».

Во всем этом ярко сказывается неисправимый утопист-идеалист, так же, как и в первой части письма, из которой мы узнаем, что в своем затворничестве Кропоткин перед смертью вернулся к основному интересу своей жизни, к вопросу о нравственности, при чем он надеется, что теоретической разработкой этого вопроса он окажет влияние на практическую жизнь. «Я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме. В такой разработке теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом... надобность чувствуется *неотложная*» (курсив Кропоткина. *Б. Г.*).

Так, незадолго до смерти, почти на 80-м году, в Кропоткине выявились с полной силой те основы, которые заложены были в нем с самого начала его сознательной деятельности: «просветительство» шестидесятников и «вопросы совести», так волновавшие семидесятников.

XX. Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ).

Как ни трудно давать объективную, т.-е. беспристрастную, характеристику взглядов и деятельности человека, который стоит во главе величайшего государства и в центре всей мировой политики, который вызывает энтузиазм у одних и жгучую ненависть у других, — тем не менее для Ленина до Октябрьской революции включительно это вполне возможно, ибо эта полоса его жизни и деятельности уже принадлежит истории.

Главной особенностью Ленина, как социалиста, отличающей его от всех его предшественников, является редкое соче-

тание революционной *теории* с готовностью применять ее *на практике*, с огромной волей к действию, сопровождаемой верой в себя, в свою правоту и в свои силы. В самом деле, в области марксистской *теории революции* Ленин, как он это сам нередко признавал, мало, даже почти вовсе не отличается от других ортодоксальных, непримиримых марксистов конца XIX и начала XX в., как Каутский, Гед и особенно Плеханов. Все они считали диктатуру пролетариата, которая, как это признавал Каутский, сводится к «господству избранной части его», неизбежной фазой грядущей революции; все они знали, что социалистам придется прибегать к насилию, все они решительно отрицали сотрудничество социалистов с буржуазией. Далее, Плеханов на 2-м съезде Российской соц.-дем. раб. партии говорил, что для революционных марксистов благо революции должно быть высшим законом, что во имя этого блага можно и лишить политических прав членов бывших господствующих классов и разогнать враждебный пролетариату парламент. Каутский, в конце XIX в., противопоставлял ученого и борца, говоря, что борец «сражается за все то, что еще неизвестно, тогда как ученый спокойно взвешивает «за и против». Поэтому, добавлял Каутский, «в борьбе приходится, не теряя времени на долгие размышления, выбрать благоприятный момент», так как никогда невозможно *точно* учесть, близки ли мы к победе.

Тот же Каутский уже в 1902 г. писал, что мировая социальная революция начнется, пожалуй, из России; а во время первой русской революции, в 1906 г., он говорил, что она является чем-то переходным от революции буржуазной к революции социалистической, к которой, по его мнению, капиталистическая Европа была вполне подготовлена.

Таковы были мнения и взгляды виднейших теоретиков марксизма на классовую непримиримость пролетариата и задачи революционных марксистов в пролетарской революции. Но когда эта революция приблизилась вплотную, когда от слов надо было переходить к делу, все они терялись и проповедывали тактику, нередко прямо противоположную своим прежним убеждениям. Так было с Плехановым в эпоху 1914—1917 г.г. так было, как мы знаем, с Каутским и во время войны, и особенно в оценке германской и русской революции.

И только один Ленин, который при своем выступлении в начале 1900-х годов на широкую политическую арену был вполне солидарен с Плехановым и Каутским, который вместе с Плехановым и Мартовым выковывал в знаменитом журнале «Искра» будущие взгляды коммунистической партии, только он один сумел соединить революционную теорию с такой же решительной тактикой, которая не отступает ни перед чем во имя того, что она считает благом революции.

Таким образом в области теории социализма Ленин взял на себя задачу восстановить и выяснить глубоко революционную сущность учения Маркса и Энгельса, противопоставляя ее не только откровенным оппортунистам, но и тем, кто на словах продолжают считать себя революционными марксистами, а на деле отступают в сторону оппортунизма, половинчатости и «соглашательства». На практике же Ленин, начиная с 1905 г, и особенно в 1917 г., применял ту теорию революции, которую Маркс выработал на опыте в 1848 и 1871 г.г.

Второй особенностью Ленина, сделавшей его вождем революции, является сильно развитое в нем *чутье действительности*, уменье угадать во-время назревающий поворот в социально-политической обстановке, уменье предсказывать эволюцию событий, партий и лиц, и сообразно с этим менять курс и темп собственной революционной деятельности.

Так, проповедуя бойкот первой Государственной Думы в 1906 г. в надежде на новый подъем революции, Ленин в 1907 г. понял, что революция кончилась, и стоял за участие в выборах в 3-ю Думу, за использование легальных возможностей и т. д., разойдясь в этом со многими другими большевиками, которые обвиняли его в оппортунизме, примиренчестве, меньшевизме и т. п. Наоборот, при первых признаках общественного оживления в России в 1910-1911-х годах Ленин снова решительно взял курс на революцию.

Уже в 1905 г., вернувшись из эмиграции и ознакомившись с первым петербургским советом рабочих депутатов, Ленин предсказал, что Советы, это—форма будущей революционной власти. С самого начала мировой войны Ленин предсказывал, что война империалистическая перейдет в войну гражданскую, и неустанно проповедывал ту именно тактику, которую он потом проводил в России в 1917 г. А осенью 1915 г.

Ленин уже серьезно обсуждал вопрос о том, как будут вести себя большевики, когда будущая революция поставит их у власти. Вернувшись в Россию в апреле 1917 г., он провозгласил в своих знаменитых тезисах, что в России будет «не парламентарная республика, а республика Советов», и настойчиво, вплоть до самой Октябрьской революции, выдвигал этот лозунг. Когда на первом съезде Советов в июне 1917 г., где большевики составляли ничтожное меньшинство, в ответ на вызов, брошенный Церетели, Ленин сказал, что большевики готовы одни взять власть,—это было встречено громовым хохотом всего съезда. А через 4 месяца большевики были у власти.

Третьей чертой характера Ленина, как социалиста, является его преклонение пред *организацией* и *дисциплиной*. Уже в самом начале своей деятельности, в середине 90-х годов, а особенно в своей знаменитой книге «Что делать» он представлял себе партию, как сплоченную, связанную строжайшей централизацией и дисциплиной, организацию «профессиональных революционеров». Из-за понимания этой дисциплины в сущности произошел первый раскол на съезде 1903 г. на будущих меньшевиков и большевиков. При этом уже в 1904 г., когда большинству членов партии раскол казался несерьезным и искусственным, Ленин в брошюре «Шаг вперед, два назад» предсказал будущую *политическую* эволюцию меньшевизма.

С той страстной настойчивостью, какой Ленин обладает с высшей степени, он неустанно проповедывал необходимость дисциплины в партии и подчинения всех ее членов партийному центру, и этим в значительной степени содействовал образованию того сплоченного ядра большевистской партии, которому удалось взять и удержать власть в России.

Наконец Ленин обладает свойством, которое особенно необходимо всякому подлинному вождю партии и широких масс: это свойство—искусство или врожденный талант «социального гипнотизма», т.-е. уменье так воздействовать устной и печатной речью на разум и волю масс, что эта воля подчиняется воле вождя.

И этим свойством, как и всеми остальными, Ленин отличается с самого начала своей политической деятельности.

В самом деле, Ленин представляет редкий пример исключительной цельной фигуры, остающейся верной себе в основном и даже в мелочах, свыше 20 лет. Как бы ни относиться

к нему, как к вождю партии, коммунисту или правителю, как бы ни оценивать его методы борьбы с политическими противниками, одного нельзя отрицать: *он никогда себе не изменял*, все его поведение, начиная с 1917 г., можно было предвидеть при внимательной изучении его литературной деятельности с первых его шагов на социал-демократическом поприще.

Уже в первом его произведении, изданном в 1894 г. всего в 50 экземплярах на гектографе и носившем название «Кто такие друзья народа и как они воюют против социал-демократов», мы встречаем все будущие особенности его полемической манеры: заслуженные «властители дум» всей революционной молодежи, столпы легального народничества, как Михайловский, Южаков и др., бесцеремонно назывались «лакеями», «царскими холопами» и т. д.

В эпоху старой «Искры» 1900—1903 г.г., т.-е. до раскола социал-демократии на большевиков и меньшевиков, *при полной солидарности главных редакторов ее* — Ленина, Мартова и Плеханова — выковывались не только основные тактические принципы будущей коммунистической партии, но и многие из тех нравственных особенностей этой партии и ее вождя, которые так отталкивают от нее мелко-буржуазную «демократию» и «умеренных» социалистов. Достаточно вспомнить, как отзывались об «Искре» и ее приемах политической борьбы все ее тогдашние противники: социалисты-революционеры, «рабочедельцы» («экономисты»), Бунд и другие.

Таким образом, Ленин 1917-го и последующих годов во всяком случае лишь вынес на общегосударственную и международную арену те принципы, которые он в скромных рамках подпольной организации вырабатывал и проводил 20 лет передтем *вместе* со своими будущими противниками—Плехановым и Мартовым.

Уже во втором № «Искры», в статье «На пороге XX века» Плеханов предсказывал и оправдывал ту борьбу, которую в грядущей мировой революции будут вести крайние социалисты против умеренных (социалистическая «Гора», или якобинцы, против социалистической «Жиронды» [1]). Неудивительно поэтому, что в знаменитой брошюре «Что делать», вышедшей в начале 1902 г., весь позднейший Ленин уже выявлен вполне.

[1]) Так назывались две главные боровшиеся партии во время высшего подъема французской революции. Как мы видим, Крапоткин был прав, выводя тактику большевиков у власти из старой плехановской позиции.

Вот, напр., что писал тогда Ленин о свободе вообще и о свободе критики в частности: «Свобода—великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: свобода критики. *Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободу новых воззрений на-ряду со старыми, а замены последних первыми*... Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди. И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу. — О, да, господа, вы свободны не только звать, но и итти куда вам угодно, хотя и в болото. Мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» итти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту».

Все, что в 1902 г. относилось к критике *внутри революционной партии*, теперь лишь перенесено к такой же критике внутри *революционного государства*, окруженного врагами внешними и внутренними; но сущность осталась одна и та же.

Ленин, проводивший после Октябрьской революции методы якобинской диктатуры, и в этом не изменил своему прошлому. Он никогда не скрывал своих якобинских симпатий (как не скрывал и Плеханов в лучшие годы своей революционной деятельности). Вот что он писал уже после раскола в 1904 г. в брошюре «Шаг вперед, два назад» против П. Аксельрода и других меньшевистских вождей в споре по поводу устава партии, т.-е. о степени партийной дисциплины и централизации:

«Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах [1]), боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист».

Наконец, хотя несомненно всемирно-исторической фигурой Ленин стал лишь благодаря войне и русской революции, без которых он так и остался бы только влиятельным вождем одной из русских социалистических партий,—но несомненно и то, что уже с самого начала 1900-х годов и особенно с 1905 года Ленин предвидел *перспективу власти* для революционной социал-демократии и сознательно шел к этой цели. Он никогда не смотрел, подобно меньшевикам, на революционную партию, как на партию «крайней оппозиции». Задачей каждой революционной партии, верящей в правоту своего дела и в свои силы, он считал именно завоевание власти для проведения своей программы. Поэтому уже при первых раскатах революции 1905 г., которую Ленин считал буржуазной по своей сущности, он выдвинул лозунг *диктатуры пролетариата и крестьянства*, он проповедывал участие с.-д. во временном революционном правительстве именно для того, чтобы довести до конца буржуазную революцию. Вот что он писал, напр., летом 1905 года в своей замечательной брошюре «*Две тактики социал-демократии в демократической революции*»: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полу-пролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии». В этих словах, напечатанных курсивом, уже намечена вся большевистская программа Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Точно так же те кажущиеся противоречия, которые на-

[1]) Т.-е. о допущении их в партию.

блюдаются в политике Ленина после Октябрьской революции, то соединение принципиальной непримиримости и крайней революционности с готовностью делать программные уступки вроде введения декретом эсэровской «социализации земли», отступление, вроде «новой экономической политики», заключать сделки с классовыми и политическими врагами (Брестский мир и т. п.),—все эти противоречия тоже в полной мере присущи были Ленину уже с начала 1900-х годов и тогда же подчеркивались его противниками. Так, еще в эпоху «Искры», ведя непримиримую борьбу не только с социал-революционерами, но и с малейшими отклонениями в рядах социал-демократии от той позиции, которую он считал единственно правильной, Ленин предлагал одновременно союз с либералами и писал в «Что делать»: «Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *итти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии» (подчеркнуто самим Лениным). Мало того, считая, что победа социализма может быть достигнута только рабочим классом, Ленин в то же время писал, что самый социализм вносится в рабочий класс *извне*, из рядов покинувшей буржуазию *интеллигенции* (впрочем, это же писал когда-то и Каутский, не говоря уже о старом Бланки). А в начале 1900-х годов именно интеллигенция и пополняла собой ту организацию «профессиональных революционеров», о которой Ленин писал: «стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров».

Об этих кажущихся противоречиях Ленин сам рассказывает в своей чрезвычайно интересной брошюре «*Детская болезнь «левизны» в коммунизме*», вышедшей уже в 1920 г. «Русские революционные социал-демократы,—писал он там,—до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т.-е. заключали с ними массу практических компромиссов и в 1901—1902 г.г., еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры»... заключала (правда, ненадолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую безпощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против ма-

лейших проявлений его влияния извнутри рабочего движения».

В другом месте той же брошюры Ленин пишет: «Отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое даже трудно взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против *этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоопытным «деляческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще».

Ленин представляет собою действительное завершение—для данной эпохи—того длинного и извилистого пути в развитии социализма, который начинается с Томаса Мора и идет через Бабефа, Бланки и Маркса,—с одной стороны, Чернышевского, Бакунина и Плеханова,—с другой. Ленин может быть назван русским Бабефом, вооруженным научной теорией Маркса и природным чутьем действительности и сверх того впитавшим в себя всю революционную сущность старого русского народничества и весь огромный опыт европейской классовой борьбы и русского революционного движения. Он соединяет в себе глубокий революционный энтузиазм и даже фанатизм с холодным политическим расчетом, доходящим до последовательного применения принципа «цель оправдывает средства». Если присоединить к этому дар, пользуясь историческим методом Маркса, предвидеть ход исторических событий, а также огромную, настойчивую волю и решительность,—то станет понятным, почему в эпоху величайшего потрясения капитализма и величайшей революции, какую знал мир, именно Ленин стал во главе бывшей Российской империи и во главе всего мирового революционного движения, которому изменили почти все крупнейшие европейские теоретики и практики социализма.

КРАТКИЙ СПИСОК КНИГ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА.

Для общего ознакомления с историей социализма на Западе можно рекомендовать «*Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе*».

По отдельным странам: *Поль Луи*, «История социализма во Франции», *Меринг*, «История германской соц.-демократии», *Беер*, «История социализма в Англии» (скоро выйдет на русском языке, а также книги по истории рабочего движения в Европе *Ю. Стеклова, В. Фриче, Арк. А—на.* Для более подробного ознакомления с отдельными социалистами можно указать:

Каутский, «Томас Мор и его Утопия».

Тома, «Бабеф и учение равных», а также *Поль Луи*, «Французские деятели и мыслители XIX в.».

О Роберте Оуэне—статью Добролюбова в Собрании сочинений, брошюру В. Либкнехта. Об утопистах вообще—*Энгельс*, «Социализм научный и утопический», о Фурье—«Избранные сочинения» под редакцией *Ш. Жида, Арк. А—н*, «Фурье, его жизнь и учение». О Бланки *Б. Горев*, «О. Бланки, его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма».

Далее: *Люкс*, «Э. Кабэ и его Икария», о Луи Блане—статью *П. Луи*, «Французские мыслители и деятели XIX в.».

О Вейтлинге книжку *Калера*. О Марксе и Энгельсе—книги *Ленина, Меринга, Цеткиной, Каутского, Берлина* и многих других.

О Лассале—биографии *Классена, Бернштейна.*

О Бебеле лучше всего читать его автобиографию «Из моей жизни». О Жоресе книгу *Ш. Рапопорта*. О Каутском—*Ленин*, «Диктатура пролетариата и ренегат Каутский», *Троцкий*, «Коммунизм и терроризм».

По истории русского социализма до сих пор общих книг почти нет. О революционном народничестве и «Народной Воле», книги *Богучарского*, о социал-демократии—*Батурина* , *Ельницкого*, *Мартова* (с меньшевистской точки зрения).

Отдельно—о Чернышевском книги *Плеханова* и *Стеклова*, о Бакунине—*Стеклова, В. Полонского, Б. Горева*, о Плеханове—№ 5—6 журнала «Под знаменем марксизма».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

